Демонология Сангомара. Яд и Меч

Автор:
Д.Дж. Штольц

Демонология Сангомара. Яд и Меч

Д.Дж. Штольц

3-я книга цикла. Прошло тридцать лет после суда в Йефасе. Отец, сын и дочь, наделенные даром или проклятием бессмертия, следуют разными жизненными путями. Тем временем мир ждут перемены. Из глубин морских вод является всепожирающий Спящий, над севером полыхает зарево войны, в кулуарах юга плетутся интриги, а по еловым лесам Офурта бродит дикая и голодная Бестия. Сангомар – это мир, в котором воцарились демоны, мир без добрых богов и справедливости, поэтому даже в руке помощи, поданной преданным другом, может затаиться клинок или яд.

Д.Дж. Штольц

Демонология Сангомара. Яд и Меч

И вздыбятся воды под мощью Осте,

И поднимется из глубин Спящий.

Бездонно чрево его, как и велика злость.

Восстрашись, Ноэль!

Глава I. Спящий

Спустя 30 лет после событий в Йефасе.

Ноэльское графство, 2150 год по общему летоисчислению, весна.

Весеннее солнце склонилось к горизонту, и с моря в сторону особняка Лилле Адан подул сильный ветер. Ветви сосен и кустарники голубого олеандра заколыхались на ветру. Где-то вдалеке протяжно закричала пустельга. Крик стал ближе, затих, и через мгновение на выглянувшую из-под сосновых корней мышь спикировала охристая птица с черными полосками.

В синих глаза мужчины скользнуло любопытство, и он ненадолго отвлекся от разговора со своим собеседником, прищурился, любуясь застывшей в трепетном и зрелищном полете хищницей. Пустельга Ноэля затормозила лишь у самой земли, выставила вперед когти и уже с грызуном устремилась вверх и к далеким ветвям, чтобы поужинать.

– Господин ло Ксоуль, ваше предложение весьма интересно, но я вынужден в очередной раз отказать, – наконец, произнес Юлиан.

После этих слов последовал шумный выдох, а лицо седого гостя подернулось от негодования, которое тот попытался тщательно скрыть.

– Я вас понимаю, господин Лилле Адан, ведь ваш Цветочный дом уже более двух веков занимается банковской деятельностью. Однако…

– Однако что, господин ло Ксоуль?

– Хм. В последние годы на юге, в Айрекке и Дюльмелии, пошли по очень рациональному пути и позволили заниматься частной банковской деятельностью. Знаете об этом?

– Да, я слышал.

– Собственно, хочу заметить, что поток монет в казну благодаря полученным от этого дела налогам заметно увеличился.

– Господин ло Ксоуль, – улыбнулся Юлиан. – Мы обязательно подумаем о вашем предложении по поводу снятия ограничений на прием сбережений и выдачу займов населению…

Мохнатые брови Августа ло Ксоуля в очередной раз сошлись на переносице, а руки скрылись под накидкой серого цвета, расшитой олеандрами, теребя пальцами друг друга от нервов.

– Но у нас свой собственный опыт, который весьма успешен, – продолжил граф. – Цветочный дом известен на всем Севере и во многих землях Юга.

– Да, спору нет…

– И он – символ и олицетворение безопасности и надежности, так что система останется пока неизменной.

– Но мир меняется и нужно уметь подстраиваться под него, господин Лилле Адан. Ваша матушка – приверженица старых порядков, однако в вас я вижу того, кто готов не стоять на месте, держась за постылые образы, а идти в ногу со временем. Снятие ограничений лишь увеличит приток золота в ваши карманы.

– Увы, господин ло Ксоуль. Прошу передать другим членам купеческой гильдии, что мы отказываем в вашей просьбе.

Снова тяжкий вздох. Купец Августс ло Ксоуль, который уже не первый год вместе с представителями гильдии желал вложиться в собственный частный банк, развел руками и, сжав тонкие старые губы, тоскливо посмотрел через заросли олеандров на тучи.

– Ну что же, я пытался. Быть может, вы передумаете, когда это веяние коснется и Детхая, – по губам мужчины скользнула печальная улыбка из-за упущенной прибыли. – Я премного благодарен, что уделили мне время, Ваше сиятельство.

– Всегда пожалуйста. Чувствуете, бриз сменился на фелсский ветер?

– Да-да. Погода у нас – дитя капризное. Вы правы, нужно поспешить в Луциос, пока Фелл не обрушился проливнем. Да и я отвлек вас от дел своим неожиданным визитом.

– Ничего страшного. Хорошей и светлой вам дороги, – Юлиан кивнул головой, отчего прядь с серебристой трубочкой упала на глаза. Мужчина элегантно поправил ее привычным жестом и громко позвал. – Кьенс!

От небольшой постройки отделился очень худой слуга в шароварах и рубахе. Вежливо поклонившись, Кьенс поприветствовал гостя и отведенной в сторону рукой намекнул ему, что готов сопроводить до выхода. Глаза господина ло Ксоуля со скрытым недовольством взглянули на графа.

– Да осветит солнце ваш путь, – произнес Августс и, отвесив небольшой поклон, прошел мимо Кьенса, не замечая слуги.

Юлиан проводил взглядом купца. Когда тот исчез за особняком, то граф направился по выложенной камнем тропинке к морю. Предупреждающий раскат грома, справа. Юлиан заторопился и спешно спустился с холма, поросшего соснами, можжевельником и россыпью голубых олеандров.

Безобразно черная туча сползала с гор по правую руку от особняка, обещая вот-вот разразиться ливнем – а ведь с час назад на небе не было ни облака. Впрочем, столь быстрая переменчивость погоды была обычным делом для Ноэльского графства, поэтому ноэльцы дождя не боялись – привыкли.

У металлической калитки с узором из цветов стоял стражник с алебардой. Его спина согнулась в поклоне, и он отворил дверь перед Юлианом, а тот поблагодарил безмолвного воина и направился по ковру из хвои к каменистому бережку. Берег притаился за рощицей лорнейских сосен и громоздкими валунами. Прохладный ветер играл со смоляными волосами, украшенными трубочками, а половинчатые рукава рубахи графа трепались из стороны в сторону.

Меж тем, Юлиан вгляделся в посеревшие воды бухты Нериум. Он уже хотел было позвать кельпи: свою любимую Вериатель, по которой жутко соскучился, и безобразницу-дочь Мафейю, – но тут в небе громыхнуло. Туча извергла из себя ливень. Вздохнув от того, что не успел встретиться с Вериателью до дождя, Юлиан вдруг заметил движение. Из-за дальнего высокого камня, притопленного в воде, показалась рука: с острыми когтями, бледными пальцами, между которыми просвечивали тоненькие перепонки – но, в общем-то, похожая на человеческую, разве что укрытая чешуей. Настороженные желтые глаза поглядывали на стоящего на берегу графа.

Юлиан махнул рукой, и что-то заскользило в бурной воде к берегу. Вместе с набежавшей высокой волной на каменистый пляж выползло создание, похожее на змею, однако с торсом человека.

Нижняя часть его была полностью змеиной, покрытой черной блестящей чешуей с белесыми полосами, а вот верх был чешуйчатым лишь отчасти – под обхватившими плечи и спину темными пластинами просвечивала белая кожа. Лицо, живот и шея были свободны от чешуи и казались совсем человеческими. Даже оттопыренные уши с жабрами после того, как существо выползло на берег, прижались к голове и стали походить на людские. Чуть пригнувшись и касаясь длинными пальцами камней, наг грациозно полз по берегу, пока, наконец, не распрямился.

– Здраш-штвуй, благословленный водой, – сказал чуть шипяще наг, и на миг показался его раздвоенный язык.

– Здравствуй, Нюй Кха, – произнес Юлиан.

– Я ждал тебя…

Ливень стих также резко, как и начался, и выглянувшее солнце заиграло на сверкающей от капель воды чешуе. Юлиан перевел взгляд снова на море, которое, как по волшебству, успокоилось и стало менять цвет от серого к ярко-голубому. Там, за далекими камнями, прятались и другие наги, их было много – порядка двадцати-тридцати особей. Некоторые были очень юны.

– Вас очень много. Что случилось, Нюй Кха?

– Спящий на дне… Я хочу предупредить тебя, благословленный водой.

– Он проснулся?

– Прош-шипается… После зимы он перевернулся несколько раз во сне. А пару дней назад из его глотки донесся рык. Он очень голоден и пришла пора кормиться…

– Но ведь прошло лишь четырнадцать лет, а не пятнадцать, Нюй Кха.

Нюй Кха не подсчитывал проведенные в море годы, поэтому то, что Спящий проснулся на год раньше положенного, его совсем не смутило. Даже наоборот, он посмотрел на Юлиана с легким осуждением.

– Но он прош-шипается… Мы не ошибаемся… Может быть он мало поел в прошлое пробуждение…

– Вы покидаете море?

– Да… – снова прошипел Нюй Кха. – Мы поднимемся по реке к темным горам. Там переползем в Большое озеро и будем жить до зимы. Пока Спящий не вернется в Мертвый Желоб…

– Когда и где вы достигнете перехода по земле?

Наг задумался. Кончик его черного чешуйчатого хвоста задрожал, а уши вновь оттопырились, обнажая жабры. Убрав мокрую прядь черных волос с лица, Нюй Кха посмотрел на Юлиана.

– Три… или четыре ночи, – змей еще раз вскинул к небу глаза, чтобы не ошибиться. Он плохо умел считать. – Мы покинем реку там, где выш-шокие и стройные деревья сменяются темными и низкими, а острая гора прячет за собой круглые горы поменьше.

– Хорошо, Нюй Кха, я тебя понял. Я буду там и помогу сопроводить вас от реки Луцци до озера Иво, чтобы переход произошел без неприятностей. Я благодарен тебе за то, что ты предупредил меня о Спящем.

– Ты благословлен духами воды, которых мы чтим также, как и Спящего. Поэтому мы уважаем и тебя, – приложил руку к животу в почтительном жесте наг и обполз Юлиана по кругу. – Ш-шпящий проснется со дня на день…

– Вы не пытались с ним договориться?

Наг, как показалось Юлиану, смутился, едва побледнел и медленно качнул головой. Это демоническое дитя Двух Миров, потомок змей и людей, потер подбородок чешуйчатыми пальцами и грустно сказал.

– Если духи воды могут пощадить при вш-штрече, то Спящий не щадит никого. Его желудок подобен бездне, и он безжалостно сжирает все, что попадается на пути.

Граф Лилле Адан протянул руку Нюй Кха и тот, подумав, неуверенно подал в ответ свою, с тонкими и длинными когтистыми пальцами. Желтые глаза подернулись на мгновение мигательной перепонкой и затем снова приняли обычный вид.

– До встречи, благословленный водой, – прошипел Нюй Кха и, поглядывая с интересом на свою руку, стал возвращаться в море, покачиваясь при ползках.

У самой кромки берега, когда его хвост уже погрузился в воду, наг оглянулся, и по бескровному лицу скользнула слабая улыбка, обнажившая острые передние

зубы и раздвоенный тонкий язык.

В конечном итоге, Нюй Кха скрылся в уже спокойных водах бухты Нериум вместе со всей своей многочисленной родней. Юлиан еще долго смотрел на блеск голубой глади, на ясное небо, уже без единого намека на тучу, на горы по правую руку, и на далекую верфь, которая примостилась у входа в бухту, около маяка, слева от особняка Лилле Адан.

Вздохнув и повертев руками туда-сюда, чтобы освободить тело от липкой промокшей одежды, обеспокоенный Юлиан повернулся и пошел к темно-серой каменной стене, а там через кованую калитку к особняку, по аллее.

Тропинка виляла среди высоких кустов голубого Олеандра, вдоль темных скамеек, устроившихся под сенью сосен, между одноэтажными пристройками, вверх по холму к дому. В три этажа, из такого же темно-серого, почти черного, камня, как и стена вокруг владений семьи Лилле Адан, особняк благодаря высоким прямоугольным окнам казался очень уютным и светлым. Дикий плющ оплел решетки и касался крыши, из которой торчали каминные дымоходы.

Из-за угла дома показался Кьенс и покорно глянул на графа, не надобно ли тому чего-нибудь.

– Кьенс, попроси конюхов подготовить лошадь.

– Сколько сопровождающих, тео Юлиан?

– Нисколько.

– Как скажете…

Построенный в изогнутой форме дом окружали лорнейские сосны с пышной кроной. Насквозь промокший Юлиан подошел к двери, и ее распахнул безликий страж в серых шароварах, белой рубахе, подпоясанный голубым кушаком. Привычно поблагодарив, граф по половику с бежево-бирюзовым орнаментом побрел по узкому коридору к лестнице, ведущей наверх, чтобы переодеться.

– Юлиан…

До ушей вампира донесся тихий голос и, улыбнувшись, Юлиан убрал уже занесенную над ступенькой ногу и прошел через зал, попав в другой, поменьше.

Там, в креслах перед камином, сидели Мариэльд де Лилле Адан и невысокий мужчина с проседью на висках. Оба они откинулись на спинки кресел и с некоторой леностью неторопливо общались. На плечах мужчины возлежала красная бархатная пелерина, соединенная на груди тремя золотистыми цепочками, а под накидкой было простое мышиное платье с кожаным ремнем.

И стоячий воротник, и манжеты украшали одинаковые золотые пуговицы, чуть потертые и тусклые. Не смотря на всю простоту одеяния, было что-то в мужчине настолько величавое, что рядом с Мариэльд де Лилле Адан он казался пусть и не равным, но близким. И даже болезненность бледного лица, не тронутого Ноэльским загаром, и темные круги под впалыми глазами не преуменьшали представительности, а, наоборот, добавляли.

– Да, матушка… – произнес Юлиан.

– Чем вызвана торопливость твоей походки, сын мой? Неужели Августс ло Ксоуль убедил тебя помочь ему преувеличить свое состояние? – по губам женщины скользнула саркастическая улыбка.

– Нет. Конечно же я отказал, матушка. Изменение действующей системы никак не отразится на обычных жителях. Лишь перераспределит золото между нашими карманами и карманами купцов.

– Так в чем же дело?

– Наги сообщили, что Спящий вот-вот проснется.

Темно-серые, но удивительно живые глаза мужчины загорелись любопытством, и он захлопнул книгу по алхимии, которую держал очень тонкими и узловатыми пальцами, украшенными лишь одним золотым кольцом.

– Ты отправишься в порт, Юлиан?

– Да, в Луциос. Как только подготовлю необходимые бумаги, – граф нетерпеливо покрутил кольцо-печатку на пальце.

– Понятно. Значит снова ждать толпу негодующих глупцов у ворот особняка, – Мариэльд склонила седую голову набок и обратилась уже к сидящему рядом собеседнику. – Вицеллий, ты хотел прогуляться вдоль моря.

– Да, моя госпожа. Я буду рад, если вы составите мне компанию. Раз уж Юлиан сегодня занят… – на секунду Вицеллий с укором взглянул на графа.

– Я в вашем распоряжении завтра, учитель.

По лестнице, украшенной ковровой дорожкой, вверх, на второй этаж, и там граф Лилле Адан распахнул светлую створку двери из лорнейской сосны и вошел внутрь кабинета.

Юлиан жил в Ноэле уже три десятилетия, но каждый раз, когда он открывал дверь кабинета, ему казалось, что за столом из орехового дерева он увидит графа Тастемара. В своем любимом котарди, который всегда был одного кроя и отличался лишь цветом. И каждый раз Юлин вздрагивал от одной этой мысли, хотя откуда эта мысль появилась – не мог взять в толк, потому что кабинет в доме Старейшин в Ноэле был полной противоположностью Бордового Кабинета в Брасо-Дэнто. Огромные прямоугольные окна, завешанные мягкими шторами василькового цвета; покрытые светлыми коврами полы; обилие цветов в горшках и картины с морскими пейзажами.

И вот, привычно вспомнив события тридцатилетней давности, Юлиан нахмурил брови, энергичным шагом подошел к столу и, не садясь в кресло, стал оформлять документы. Длинными пальцами с большим сапфировым перстнем он достал другое кольцо из глубины нижнего ящика, из бархатного мешочка, и поставил гербовую печать на бумагу.

Затем вспомнил об одежде, что уже успела подсохнуть, навел порядок на столе, за которым привык работать по утрам, и снова вернулся в коридор. Оттуда по лестнице еще выше, на третий этаж. На самом верхнем ярусе располагались спальни личной прислуги, гостевые комнаты для особых гостей и покои Лилле Адан. Пройдя длинный светлый коридор, в котором по правую руку были высокие окна, а по левую – двери, Юлиан зашел в самую дальнюю спальню.

В мягком кресле цвета бурного моря сидела, подтянув колени к подбородку, сероглазая женщина с темными волосами, собранными из маленьких косичек в одну большую. Прищурив один глаз и высунув язык, она пыталась попасть ниткой в иглу, а меж колен зажимала мужскую рубаху. При виде Юлиана служанка подскочила, рассеянно улыбнулась и убрала так и не вдетую иглу с ниткой на низкий столик.

– Тео Юлиан, что с вами случилось? – удивленно спросила айорка, видя обеспокоенный вид графа.

– Ох, ночью расскажу, Фийя. Сейчас нет времени. Будь добра, дай костюм для города.

– Конечно, конечно…

Айорка, на вид лет двадцати пяти, еще стройненькая и худенькая, подбежала к огромному шкафу и стала доставать оттуда подготовленные вещи.

Юлиан стащил с себя мокрую одежду и под пристальным взглядом чуть раскрасневшейся Фийи быстро переоделся. Надел чулки, скрепив их на ноге ремешками крест-накрест, затем – серые шаровары по икры длиной, в штаны заправил васильковую рубаху. Поверх накинул жилет, украшенный голубыми олеандрами. После повязал кушак и обулся, бросил беглый взгляд в зеркало и подбежал к столу у окна.

Он достал поясную суму, уложил туда бумаги и после того, как Фийя поправила ему серебристые украшения в волосах, поцеловал женщину и буквально вылетел из комнаты. Там, на улице, его уже ждал оседланный конь, нетерпеливо бьющий копытом о землю. Ловко вскочив на жеребца, Юлиан послал его рысью к распахнутым кованым воротам и помчался по ровной дороге к Луциосу. В воздух взметнулась прибитая феллским ливнем пыль.

Юлиан растворился в роще ягодного тиса, которая прятала особняк Лилле Адан от любопытного взора путников с тракта Аше’Алъе. Тис облюбовал ноэльские склоны, и именно с этого негниющего хвойного дерева, причем, весьма ядовитого, строились торговые корабли в верфи около мыса Голубого Когтя.

– Тарантоша, скоро закат. Нам нужно быстрее попасть в порт.

Жилистый и тонкий гнедой конь, отдаленно напоминавший Юлиану своим норовом и вредностью того дикого мясистого жеребца сэра Рэя, фыркнул и ускорился. Вынырнув из объятий тисовой рощи, граф оказался на очень широком тракте – тот вел к спрятанному в бухте Луциосу, главной морской артерии Ноэльского графства.

Живописная бухта была изогнута и незаметна со стороны моря, лишь высокий маяк на мысе Голубого Когтя указывал на вход. Однако, портовый Луциос был настолько известен и на Юге, и на Севере, что многие капитаны находили фарватер Нериумовской бухты практическую вслепую, благодаря соседству с Лилейским островом, который служил своего рода ориентиром.

На большаке же, пока Юлиан направлялся в порт, царило привычное оживление. Груженные товарами и бочками повозки волочились по направлению к Луциосу и от него. Дорога лежала меж виноградных плантаций и, если бы Юлиан развернулся и поехал не на юго-запад, а на северо-восток, то прибыл бы в винную столицу всего Севера, в город Аше’Элъя. Там делали самое дорогое и изысканное на севере вино, Королевское Розовое – украшение воистину королевского стола.

А если же и от этого винодельческого города свернуть на юг, то там через два дня пути впереди вырастут высокие стены из темного камня – Лорнейские врата. Из Лорнейских врат выходило шесть дорог, ведущих в любое место Ноэля, будь то Гаиврарский перевал либо тропа в Альбаос. Именно поэтому Лорнея приблизительно шесть веков назад получила добавочное имя – Врата, Лорнейские врата. Некоторые же называли этот город более простым именем, популярным среди населения – городом Шести дорог.

Юлиан, поглаживая холку Тарантона, смотрел то влево – на раскинувшиеся и оцелованные солнцем виноградные плантации, то вправо – на светлые воды бухты Нериум. Вдоль тракта россыпью вырастали деревушки, жители которых с

утра до ночи были заняты на полях. Морской бриз играл с короткими волосами Юлиана и светло-васильковым плащом, украшенным вышивкой и скрепленным на плече серебряной фибулой в виде олеандра. Конь шел легкой рысью, стуча копытами по тропе.

Где-то впереди, между тянущейся встречной вереницей подвод, граф Лилле Адан разглядел знакомое лицо: с крючковатым носом и мохнатыми бровями, которые заканчивались уже у волос. Кажется, что ленно развалившийся на облучке возничий тоже был обласкан бризом и даже прикрыл глаза, смакуя состояние от этого прекрасного вечера. Наконец, он открыл их, и мужчина, по-ноэльски сухой, худой и гладко выбритый, увидел Юлиана. Когда конь поравнялся с повозкой, то пожилой возничий даже привстал с сиденья.

– Тео Юлиан! Да осветит солнце ваш путь! Вы в Луциос?

– Да, Мильер. В городе никаких страшных новостей не слышал?

– Нет, все спокойно вроде, тео… – озадаченно ответил слуга и почесал свою плешивую макушку. – Да, тихо и мирно…

– Хорошо, Мильер. Поторопись, скоро стемнеет.

– Конечно, тео Юлиан. Спасибо за заботу.

С этими словами слуга кинул взгляд назад, на скрученные и бережно сложенные в повозке дорогие ткани, прибывшие этим же днем из Виарке, южного города, а затем снова посмотрел вперед. И чуть подстегнул мулов.

***

Стены Луциоса вырастали и, в конце концов, Юлиан въехал в стрельчатую арку ворот. Здесь гравийная дорога расширялась, обрастала брусчаткой и разветвлялась на множество улочек. Те растекались по городу, подобно реке. А главным рукавом дорога шла к порту и проходила мимо рынка, между расположившихся по бокам лавок, кузниц, таверн и доходных домов. Именно от порта и к порту тянулись бесконечные вереницы повозок, всадников и

деловитых людей с договорами в сумах, перекинутых через плечо.

В выставленных на подоконники домов горшках красовались миниатюрные голубые олеандры вперемешку с нежными орхидеями и зимнестойкими кактусами – опунцией, что радовала глаз своим пестрым розовым или желтым цветом.

Стройные каменные дома облицовывали со второго этажа светлым деревом, а входы украшали ленточками, от белого до голубых цветов. Если же в арке двери висела красная лента, то это означало, что в доме царил траур – красный, по мнению Ноэльцев, был цветом скорби и печали. Он сопутствовал самой смерти, и жители южных земель Альбаоса связывали все его оттенки всегда с кровью и страданием.

Люди, чистые и ухоженные, шумно общались меж собой. У лотков очень живо обсуждали цены товара в сеттах, даренах, треволах и иадах. Звенели серебряники и бронзовички из всех уголков Сангомара. По улочкам гулял морской ветер, залетающий под светлые одежды жителей и играющий в каштановых и серых шевелюрах. Посреди этого потока жизни почти на голову над всеми высился Юлиан.

Многие жители Луциоса, завидев высокого мужчину, сразу же узнавали в его лице и костюме графа Лилле Адана. Тогда они почтительно расступались, пропуская того, чья семья обладает всем Ноэлем. Как шутили в народе – “Проще сказать, что не принадлежит в Ноэле семье Лилле Адан”.

В отличие от северян, народа темного и необразованного, ноэльцы знали про существование вампиров. Поэтому все прекрасно понимали, кто такие Лилле Аданы, хотя и не осознавали, отчего Мариэльд живет так непозволительно долго. Уже обычным делом было отправление в графский особняк из тюрем приговоренных к смерти людей, где те бесследно пропадали. Привыкли ноэльцы и к странным городским соседям, которые не имели в доме ни крошки хлеба, зато время от времени посещали тюрьмы. Воспринимали это горожане сдержанно, чуть стиснув зубы, но терпели. Терпели не так спокойно, как южане, которые и бровью не вели при виде клыков, но и не так бурно, как северяне – никто не хватался за вилы и ножи.

И хотя ноэльские вампиры спокойно приобретали смертников из тюрем, они все-таки не выпячивали свое происхождение и предпочитали с улыбкой отмалчиваться при общении с каким-нибудь матросом с северного корабля. “Да байки это все. Ну какие вампиры, о чем Вы…” – шептали они и качали головой, усмехаясь при виде подуспокоившегося человека с севера. Впрочем, моряки редко покидали Портовый город и бродили, в основном, между складами, борделями да харчевнями, так что искренне верили, что байки про кровососов – это всего лишь байки. Иной матрос и мог увидеть во рту случайного собеседника клыки, побелеть и потом рассказывать на своем Дальнем Севере, что видел вампира, живого, демоническую тварь! Да вот только родня и друзья обменивались друг с другом понимающими улыбками, переглядывались меж собой, как бы говоря “Эка морячок шутки шутит… Посреди города, да вампир… Видано ли дело”.

Вампиров в Ноэле было немного, так что случаев с убийствами людей возникало и того меньше. В общем-то, вампиры пока не доставляли особых хлопот, а Мариэльд де Лилле Адан так и вовсе все очень уважали. Она являлась для ноэльцев покровительницей и небожителем одновременно и постоянно жертвовала приличные суммы на развитие науки, целительства и торговли. Сухопарая женщина с белыми волосами правила южными землями Альбаоса более тысячи лет, а ее имя стало нарицательным, и среди ноэльцев символизировало порядок и надежность.

А когда же тридцать лет назад Мариэльд вернулась с молодым мужчиной, скверно говорящим по-ноэльски, очень бледным и с лицом северянина, то об этом весь Луциос судачил несколько лет. Личность Юлиана обросла самыми невероятными слухами и сплетнями, и всякое появление этого весьма эффектного мужчины в городе приводило к всеобщему переполоху. И только спустя поколение, примерно через два десятилетия, интерес к особе новоявленного графа поутих, и Юлиан вздохнул спокойно. Но не до конца…

– Господин, господин, – закричал кто-то сбоку писклявым голосом.

Стайка беспризорных детей, в коротких шароварах и рубахах, обступила Юлиана и заверещала. На высокого графа уставились серые, темно-серые и карие глаза ребятни.

– Господин, подайте монетку! Всего лишь одну!

– … мне подайте!

– Нет, мне, уйди Тойюр!

– Да сам отвали!

– Подайте, господин…

– … ну пожалуйста!

Юлиан зыркнул на наглых детей и те, вздрогнув от показавшихся из-за хитрой улыбки зубов, разлетелись с гамом во все стороны, как воробьи. В это время тонкие, но ловкие пальчики потянулись к поясной суме графа, пока он стоял спиной к одному ребенку.

– Ага! – Юлиан поймал дерзкого воришку за руку.

Мальчишка сделался смертельно бледным.

– Кто это тут у нас а? – произнес задумчиво граф, легко удерживая перепуганного ребенка. – Что ты у меня в сумке забыл?

– Я… ничего. Вам показалось, господин! Не ешьте меня, пожалуйста!

– Да что ты, – граф усмехнулся и шутливо клацнул зубами. – Ты с приюта? – на ребенке были еще незаштопанные штаны и рубаха.

– Да… – сглотнул слюну мальчонка.

– Еще раз увижу твою руку у чьей-нибудь сумы, сдам охране. А я все вижу, мальчик, и я тебя запомнил! – пригрозил нарочито серьезно Юлиан.

Оставив трясущегося ребенка, Юлиан взял под узду Тарантона и поспешил по широкой брусчатой улице к порту.

После таверны “Серебристый Нериум” улица уходила резко вниз, и перед Юлианом развернулась панорама порта с покачивающимися на водах кораблями.

День близился к закату. Из рыболовных суденышек, примостившихся справа, спешно выгружали пойманную рыбу. С укрытых досками пирсов доносился шумный гам хозяев лодок, капитанов команды или одиночных рыбаков – обсуждали все как обычно: богатые места, жалобы на плохой улов или, наоборот, гордо демонстрировали полные груженные рыбой бочки. Соломенные жесткие шляпы поголовно украшались обвитыми вокруг тульи темно-синими лентами – символ Осте, дюжа моря. С солеными и обветренными лицами рыбаки, которые казались рожденными в море, а не на кровати, также солено шутили и громко хохотали.

Одно- и двухмачтовые торговые нефы лениво и сонно подремывали на волнах, а вокруг них кипела жизнь. Потные грузчики в коротких шароварах и с подвернутыми рукавами рубах торопливо грузили или разгружали трюмы кораблей под тщательным контролем деловитых ревизоров с перьями за ухом.

Из всех кораблей ближе ко входу в порт стоял двухмачтовый неф. Юлиан сразу обратил внимание на гальюнную фигуру обнаженной наги с раскрытым в крике ртом и неестественно большой грудью. За все три десятилетия жизни в Ноэле Юлиан ни разу не видел наги с подобным силуэтом, как у носовой фигуры этого корабля с Лоракко. Да и вообще, пышной грудью женщины этого вида никогда не отличались, так что оставалось лишь позавидовать пылкой фантазии резчика по дереву.

Около этого нефа, “Морского черта”, ходил взад-вперед с криками густо поросший бородой купец, в длинном кафтане с позолоченной тесьмой, подпоясанном черным кушаком. Около него и за ним бегал пучеглазый мальчонка лет восьми, и с самым унылым видом слушал отцовские наставления. Грузчики под вечно недовольным взглядом из-под кустистых бровей купца заносили в трюмы ящики с Королевским Розовым вином, закупленным на Ноэльских винодельнях семьи Лилле Адан.

– Халлик, дурень, хватит крутить по сторонам башкой! – проревел смурно кряжистый мужчина.

– Пап, да я слушаю тебя, слушаю, – с совсем хмурым видом ответил сероглазый мальчонка, но тут же отвернулся в сторону и стал смотреть на багровый закат.

– Я вижу, как слушаешь. Учись, пока я жив, отцовскому ремеслу.

Звонкая оплеуха прозвучала неестественно громко даже среди этого бурного оживления и суматохи. Затем раздалось фырканье, и насупившийся ребенок недовольно перекрестил руки на груди. Его бордовое платье до колен развевалось на легком ветру, как и длинные до плеч волосы цвета камня, а красный отпечаток от удара отцовской ладонью стал медленно остывать.

– Когда ж ты ума наберешься, а, Халлик?!

– Да я слушаю тебя, пап. Ну я же сказал! – с обидой произнес мальчонка.

– Вполуха слушаешь! А должен двумя ушами вращать, как гарпия крыльями, чтоб все запомнить!

Курносый нос сердито сморщился, а чуть выпуклые глаза такого же коренастого, как и отец, сына купца потускнели. В них разлилась настолько великая скука, что, казалось, мальчик прилагает все усилия, чтобы смотреть на бесконечную вереницу ящиков с вином. Но, в конце концов, любопытство вновь возобладало над нетерпеливой натурой ребенка, и он отвлекся на скрипящие доски пирса. Склонился, встал на четвереньки и теперь заглядывал меж щелей туда, под доски, в покачивающиеся воды.

– Пап, папа. Смотри! Там что-то есть!

– Что? – буркнул недовольно Намор Белозуб. – Куда ты опять пялишься, Халлик? О Ямес, за что мне это… Пять дочек и вот уродилось же такое чудо шестым…

– Папа, да там кто-то есть, под досками прячется!

И действительно, Юлиан услышал тихие всплески и писклявое стрекотание, напоминающее птичьи трели в сосновом лесу. И если мальчик в изумлении только склонился к доскам и прильнул темно-серым глазом к щели размером с большой палец, то граф Лилле Адан уже знал, кого там увидит ребенок.

Морские чертята часто селились в южных теплых водах, в портах и в верфях под пирсовыми досками. Промышляли воровством еды, товаров, а порой и того ценного и блестящего, до чего дотягивалась их перепончатая тонкая лапка. С этими демоническими безобразниками, весьма безобидными, если бы не их проделки, отчаянно воевало портовое управление, однако шустрых негодников словить было очень тяжело.

Отличались эти создания от своих лесных собратьев, киабу, не таким пушистым хвостом да наличием перепонок между пальцами когтистых лапок. А за долгие годы соседства с людьми морские чертята, которые вели околоводный образ жизни, еще и обрели такую черту, как нахальство. Не раз и не два любая мало-мальски пригодная щель в стене или полу становилась причиной разорения амбаров. Порой отопрет хозяин склада дверь поутру, и тут же увидит в полутьме, как к щели наружу устремляются отливом стрекочущие и довольные черти, деловито поворачиваясь к разорившемуся человеку тощим задом. Почему разорившемуся? А потому что шелка, парусина, красители-то может быть и не съедобные, но пока каждый демонический негодник не попробует их на свой зуб, не пожует, не выпотрошит и не выплюнет, он с этим будет до последнего не согласен. Впрочем, с медком да под пиво вяленые чертята шли очень даже неплохо, так что тут, как говорится, было око за око, зуб за зуб.

А Юлиан, привязав поводья Тарантона к железному крюку у торца Портового Дома, уже поднимался по каменным узким ступеням вверх, на второй этаж. Там, пройдя через длинный и тесный коридор и разминувшись со снующими туда-сюда работниками, он постучал в крепкую дверь, а затем вошел.

В кресле, склонившись над кипой бумаг, сидел громоздкий мужчина с массивным лицом и относительно умными глазами того человека, что может считать, писать, вести учет и выполнять некоторые важные приказы, не вникая в их цель.

Зачесанные назад темные волосы с серебром седины и проплешиной на макушке украшали оловянные трубочки, которые постоянно спадали. Уже бы стоило и отказаться от них, но мужчина в возрасте так отчаянно цеплялся за

воспоминания молодости о некогда пышной шевелюре, что и не подумывал об изменении облика. Даже одежда поросшего знатным пузом Портового Управителя была неподобающе молодой – шаровары с рубахой.

Вместо них бы тоже надлежало надеть длинное платье, да поверх набросить какой-нибудь табард – именно так и выглядели пожилые люди Ноэля – но нет, живот размером с рост мужчины забавно колыхнулся под шароварами, когда Кавиан увидел вошедшего графа Лилле Адана и приподнялся.

– Ваше сиятельство! Да осветит солнце ваш путь! – проревел смиренно Управитель.

– Здравствуй, Кавиан.

– Уж близится закат и, если я вижу вас здесь, то дело важное? Да вы присаживайтесь, Ваше сиятельство!

– Спасибо, Кавиан.

Убрав с кресла стопку журналов с отчетами по швартовкам, Юлиан осторожно присел в крепкое кресло и достал из сумы несколько скрученных бумаг.

– Происходило что-нибудь интересное со дня моего последнего посещения?

– Все как обычно, господин. Полный порт кораблей, а грузчики работают не покладая рук. Разве что…

– Что?

– Да морские чертята плешь проели уже… – Кавиан неосознанно почесал почти лысую макушку. – За последнюю неделю, кажется, собрались со всего Альбо к нам в бухту… Черти бы их побрали! А, тьфу! Они ж и есть черти… Не знаю, что на них нашло, облепили наш порт, никак не выгнать.

– Совсем не уходят?

– Нет! И даже больше! За час до вашего прибытия напали толпой на рыболовное суденышко Лаврейя, стали потрошить рыбу, вытаскивали ее из бочек и шипели на рыбака. Представляете? Еле отогнали наглецов палками.

Значит, наги не ошиблись. Юлиан испустил усталый вздох и подпер лоб пальцами, один из которых был украшен родовым перстнем с сапфиром.

– Неужели тебе такое поведение чертят ничего не напоминает, Кавиан? Ты же на посту Управителя уже более двадцати лет.

– Напоминает, – вздрогнул крупной дрожью Кавиан и сжал испуганно губы. – Но ведь он просыпается раз в пятнадцать лет, а прошло лишь четырнадцать, господин! Ни разу еще его пробуждение не сбивалось с графика!

– Наги сказали сегодня, Кавиан, что Ноэльский Левиафан проснется со дня на день.

Лицо Портового Управителя сделалось смертельно бледным, а на лбу капельками пота выступила испарина, что прорезала словно ножом морщины широкого лица и сделала их куда глубже и отчетливее. Из груди вырвался стон отчаяния от убытков и смертей, что последуют в ближайшие полгода, а пальцы нервно затеребили любимые бумаги. От них Управитель почувствовал легкое успокоение.

– Свяжись с Плениумом, Кавиан. Пусть срочно вышлют гонцов в земли Альбаоса: Линдул, Белый Афолеон, Бесовской приют и Лоракко. А на юге в Анеф-Арай, Золотой Ноам, Дасиандру и в Лоо.

– А в Сентопию?

– И туда тоже, – задумавшись, Юлиан передал бумаги в руки портового Управителя.

– Ох, Осте Осте… В прошлый раз он до месяца Холонна поглотил больше двадцати кораблей, которые не знали или знали, но рискнули выйти в море. Что же будет в этом году…

– Да… Будет что-то страшное.

– Мы же не успеем уведомить всех, господин. А наги не могли ошибиться, ваше сиятельство?

– Нет. Четырнадцать лет назад они меня предупредили ровно за два дня до пробуждения. Да и ты должен видеть все своими глазами, Кавиан. Чертята тоже все чувствуют.

– Да-да… Ох, как жаль.

Повторив позу своего господина, Кавиан тоже подставил ручищу под гладко выбритый подбородок и горестно посмотрел в окно. Там солнце закатывалось за горы на мысе Голубого когтя. Стремительно темнело.

С закатом порт вмиг опустел, и лишь караул теперь поскрипывал досками, а оживленная толпа переместилась на улицы города. Там свои двери открыли бордели, которые давали морякам тепло и любовь за пару десятков бронзовичков. Если же получившему хорошую маржу и оголодавшему по особой ласке мужчине хотелось чего-то посвежее, то и для таких находились барышни. Барышни не громко зазывающие с окон борделей, а тихо ждущие своих клиентов в покоях, куда их приведут Сводницы.

Все та часть Луциоса, что находилась ближе к порту, отчего и называлась Портовым районом, ночью оживала и вела распутный образ жизни, в отличие от более спокойного и размеренного Верхнего района.

– Я вас понял, мой господин. Я немедленно отправлюсь по домам Плениума, разбужу всех нужных людей. И также отошлю гонцов со срочными письмами куда надобно.

– Да, Кавиан. Нам предстоят тяжелые полгода.

– Господин Лилле Адан. У нас же полный порт кораблей. Да вы же сами знаете, что в месяце Осте всегда оживление.

– Я не уверен, что они смогут добраться до своих городов целыми и невредимыми, Кавиан. Но и не буду утверждать, что Левиафан уже проснулся.

– Вот и я о том же, Ваше сиятельство… Что делать?

– Переговори со всеми. Объясни ситуацию и посоветуй остаться в Луциосе до зимы… Но не все согласятся. Увы, мы не имеем власти их задерживать силой. Если они захотят покинуть порт, пусть делают это как можно быстрее, в течение одного-двух дней.

– Осте, за что? Дюжи, пощадите, – уныло уронил голову на тяжело вздымающуюся грудь Портовый Управитель.

– Перестань молиться Кавиан, – поморщился Юлиан. – Тот, кого не существует, не сможет помочь – это мир демонов без богов.

С этими словами Юлиан поднялся с кресла, глядя в разбавленную огнями Луциоса ночь за окном. Торопливым шагом он покинул кабинет портового Управителя и оставил того в смятенном состоянии. Наконец, через пару минут толстое тело поднялось. Кавиан поправил широченные в талии шаровары и посмотрел вниз, на ящики стола. Он в полуоткрытом ящике некоторое время наблюдал лежащую поверх бумаг монетку из бронзы, без каких-либо обозначений или гравировок – это был символ Элеаноры, дюжа плодовитости. Вспомнив слова графа про то, что в этом мире нет богов, а молиться им – бессмысленно, Кавиан вздохнул и закрыл ящик, а затем тяжелой походкой пошел искать помощников.

Масштаб надвигающейся трагедии был невероятен. Все знали про Ноэльского Левиафана, но до этого года чудовище, живущее в Лилейском проливе более одиннадцати веков, всегда следовало особому расписанию. И под него подстроились все портовые города. Раз в пятнадцать лет все порты закрывались, и с весеннего месяца Осте до зимнего месяца Холонна торговля морем полностью прекращалась, а грузы доставляли земными маршрутами.

И, увы, других путей с Севера на Юг, кроме как через пролив между Лилейским островом и Ноэлем, не существовало. Лилейский остров был огромен, а течения севернее него столь яростны и опасны, что лишь у неопытного штурмана либо полного дурака могла зародиться мысль избрать этот путь.

Вместе с тем, по словам Нюй Кха, на западе и севере от Лилейского острова жило еще одно племя нагов, более дикое и свирепое, не желающее общаться с людьми. Они не владели человеческой речью. Эти наги из рода Ойх, по словам все того же Нюй Кха, безжалостно топили корабли, и Юлиан подозревал, что именно их заслуги приписывали коварному Ойхскому течению. Граф Лилле Адан ни разу не видел никого из представителей этого племени, но сказанному Нюй Кха верил, потому что наг, в отличие от людей, врать не любил и не умел.

***

Покинув опустевший порт, Юлиан верхом на Тарантоне направился обратно в особняк. Путь занял пару часов, и ближе к полуночи Старейшина ловко выскользнул из седла и передал лошадь в руки заботливому конюху. Сам же он погрузился в мрачные думы и, не видя ничего вокруг, поднялся по темной лестнице во мраке к спальне. Ступая по пышному ворсу ковра, он со сложенными за спиной руками медленно вошел в комнату.

Там при бледном свете полной луны сидела в кресле в белом платье Фийя и мечтательно смотрела на усыпанное звездами небо. Все свое свободное время молодая женщина проводила либо в грезах, чуть прикрыв веки, либо с вышивкой в руках.

Так и сейчас, несмотря на острый слух, служанка из-за мечтательного полузабытья не услышала мягких шагов графа и вздрогнула от отворившейся двери. Когда же темно-серые глаза увидели во мраке дверного проема знакомый силуэт, блуждающее на лице состояние отрешенности и мечтательности, что, возможно, было и состоянием самой души служанки, сменилось на радость.

– Вы вернулись?

– Конечно, Фийя. Как я могу не вернуться – этой же мой дом, – улыбнулся столь простодушному вопросу Юлиан.

– Что же случилось, тео Юлиан?

В нахмуренных бровях и гробовом молчании служанка различила тщательно скрываемое сильное переживание и, понимая, что случилось нечто плохое, подскочила с кресла. Она стала снимать с графа вещи, а тот, пребывая мыслями где-то у Лилейских островов, не мешал ей и лишь растерянно поднимал и опускал конечности по просьбе Фийи.

– Вы даже не запрещаете мне помогать раздевать вас. Значит что-то страшное… – испуганно прошептала девушка и ее круглое личико застыло в маске ужаса.

– Да. Спящий проснулся…

– И что? Он же всегда просыпается, тео Юлиан, – Фийя непонимающе похлопала большими глазами. С возрастом она не стала сильно умнее.

– Фийя, Фийя… Он проснулся на год раньше. И мы не успеем предупредить всех. Пока гонцы на лошадях достигнут самых отдаленных земель, например, северного Лоракко или южного Анеф-Арайя, то пройдет почти два месяца.

– Вы хотите сказать, что эти два месяца корабли будут плавать туда-сюда и не знать, что Спящий не спит?

– Да. Часть кораблей также покинет Нериумовскую бухту, потому что, во-первых, не каждому по карману обеспечить проживание в Луциосе экипажа до зимы, а, во-вторых, у всех горят сроки, Фийя. И многие будут, молясь всем богам, северным и южным, рисковать своей жизнью с надеждой, что пронесет, и они не столкнутся со Спящим.

– Так очень много людей погибнет, тео Юлиан?

– Да, Фийя, – с тяжелым вздохом ответил граф Лилле Адан, который за тридцать лет уже привык к столь наивным вопросам.

Пока служанка, чуть прикусив губу, наблюдала за господином, тревожно меряющим спальню широкими шагами из угла в угол, находясь лишь в исподнем, Юлиан не знал, что делать. Он чувствовал полную беспомощность перед сложившейся ситуацией и даже не смотрел в сторону раскрасневшейся и горящей Фийи.

– Фийя, подай мне домашний костюм, пожалуйста.

– Вы не будете дремать со мной?

– Нет, я же сказал домашний костюм, Фийя. Я поработаю в кабинете, сейчас не до сна, – терпеливо повторил свою просьбу граф.

– Как скажете, тео Юлиан.

По простодушной мордашке женщины скользнуло легкое негодование, которое, впрочем, тут же стерлось из-за промелькнувшей какой-то совсем не относящейся к делу мысли. И служанка, пожав плечами, вприпрыжку поскакала к шкафу и достала оттуда расписной серебряными нитями халат с темными штанами.

После слов благодарности Юлиан с самым смурным видом покинул спальню и спустился на второй этаж, а там заперся в кабинете, где просидел над отчетами до самого утра. Впрочем, за всю ночь ни один так и не был обработан. Встревоженным взглядом граф смотрел сквозь бумагу куда-то вдаль, стараясь сознанием проникнуть в будущее, раздвинуть его туманные материи и найти решение, которого, вполне возможно, и не существовало в данной ситуации.

А Фийя, чуть печально вздохнув, распустила свои многочисленные косички, сменила платье на ночную сорочку и заползла под легкое хлопковое одеяло. Лишь курносый нос и непрестанно хлопающие глаза выглядывали из-за него, рассматривая висевшую на стене напротив кровати картину с морскими пейзажами.

Когда обращенное к бухте окно посветлело и наступило утро, в кабинет вошел болезненно худой мужчина. Тихой и осторожной походкой он приблизился к дивану у окна и грациозно сел на него, закинул нога на ногу. Казалось, он о чем-то напряженно думает, но на самом деле вечная задумчивость и колкий взгляд из-под бровей были присущи этому бледному лицу всегда. Несменяемая красная пелерина сегодня была надета поверх светло-серого, почти белоснежного платья с золотыми пуговицами.

– Доброго утра, учитель, – вежливо поздоровался Юлиан и пропал глазами дальше в отчете, в который смотрел всю ночь.

– Чтобы утро было добрым, нужно начинать его не с бумаг, Юлиан, а с бодрящего напитка.

По губам пожилого мужчины скользнула лукавая улыбка, а граф Лилле Адан поднялся из-за стола и присел на диван рядом с Вицеллием. Тот достал из поясной жесткой сумы склянку крови, клацнул по ней деловито ногтем, затем передал в руки Юлиана.

– Борькор, Белая Роза или Ксимен? – спросил молодой граф, принимая маленькую, размером с палец, склянку.

– Слепая доверчивость хуже вечной подозрительности, Юлиан, – настороженный взгляд Вицеллия стал более острым. – Если бы вместо меня был мимик, либо в мое тело подсадили сотрапезника, ты бы уже умер от своей тряпочной доверчивости. Сколько лет я уже пытаюсь тебе внушить, что осторожный всегда умирает последним, Юлиан.

Граф Лилле Адан виновато улыбнулся, достал пробку и, двумя пальцами удерживая стеклянный сосуд, принюхался, прикрыл глаза и посмаковал запах. Маслянистый оттенок, сладковатые еле уловимые нотки. Тончайше настроенное обоняние различило совсем легкую примесь какого-то парфюма и еще что-то…

– Вы добавили выжимку из олеандра, чтобы сбить меня со следа, учитель.

С этими словами, продолжая принюхиваться и не сводя глаз с Вицеллия, который вздернул ехидно брови, Юлиан капнул из сосуда на палец и облизнул жидкость. Затем, с широкой улыбкой от уха до уха, запрокинул голову и залил кровь из склянки в рот.

– Белая Роза, которую вы попытались выдать за Голубой Олеандр.

– Да, верно. Хотя редкий дурак будет маскировать один яд другим. Как ощущения?

– Никак. Доза была небольшой.

– Для тебя да, – Вицеллий Гор’Ахаг подпер указательным пальцем с массивным золотым кольцом висок, впалые глаза хитро улыбались, а веномансер вкрадчиво спросил. – Но даже для меня эта доза смертельна. Как быстро бы я умер, Юлиан?

– Хм… Семь, может десять минут.

– Нет. Раньше, из-за больного сердца. А симптомы?

– Паралич и отказ сердца.

– Да, хоть что-то да запомнил. Хороший из меня учитель.

– Хороший… – эхом вторил граф и интеллигентно улыбнулся.

Вдруг старый веномансер что-то вспомнил и обвиняюще покосился на ученика, к которому его пригласил друг почти тридцать лет назад, когда Гор’Ахаг после жуткого скандала решил покинуть службу у Его Величества.

– Ты забыл принять вчера смесь.

– Не до того было, учитель, – Юлиан прикрыл глаза и откинулся назад. – Со дня на день все побережье будет усыпано обломками кораблей, словно костьми. А сами человеческие кости будут перевариваться в желудке у Спящего.

Очень худыми пальцами Вицеллий Гор’Ахаг погладил свое золотое выпуклое кольцо в виде паука, лапки которого служили ободком. Из-под темных бровей молодого графа ощупывал вечно настороженный и чуткий взор старого веномансера, но процесс изучения прервала дрожь. Она пробежала по лицу и телу вампира, и он болезненно сморщился, а круги под глазами стали темнее и отчетливее.

– Вы, похоже, тоже не приняли лекарства, учитель.

– Не ерничай, – Вицеллий скользнул в жесткую сумму и достал оттуда другую склянку, с ободком красного цвета, и выпил кровь. – Увы, за свое искусство приходится очень дорого платить.

– Но вам, в отличие от меня, нельзя пропускать время принятия лекарства! Мне не нравится ритм Вашего сердца.

– Хо-хо, какой ты заботливый. Я еще всех вас переживу, Юлиан, не волнуйся, – Вицеллий ядовито ухмыльнулся, но новый приступ боли исказил лицо в гримасе, и веномансер сложил на платье дергающиеся скрюченные пальцы. – В Ноэле голубой олеандр растет, как сорняк, так что недостатка лекарства у меня нет.

– А как жаль, что Левиафан невосприимчив к яду Олеандра.

После череды тяжких вздохов молодой граф снова вернулся мыслями к бессмертному существу, что наводило ужас на все море Альбо уже очень долго.

– Яд есть против всего и для каждого случая. Но даже если ты найдешь уязвимость Спящего, то невозможно будет достать летальную дозу.

– Да, он слишком велик… Я не придумал пока ничего лучше, кроме как снарядить пару кораблей и вооружить людей арбалетами и гарпунами.

– Ты же делал это в прошлый раз.

– Но другого выхода нет… В 2091 году, 59 лет назад, рыцарь Ной из Белого Афолеона во имя северного бога Ямеса вышел на нефе “Божья Кара” в море и смог ослепить чудовище.

– Но погиб сам! Да и глаз-то у Левиафана осталось еще пять.

– Если, в конце концов, Спящий ослепнет, пусть и по одному глазу каждые пятнадцать лет, то это решит нашу проблему. А один из ударов может стать для реликта последним, учитель.

– На смену одной проблемы всегда приходит другая, Юлиан. Ты рассказывал о северных нагах племени Ойх. А ты не думал, что их благоговейный страх перед этим реликтом защищает Ноэль от того, чтобы они поселились в Лилейском проливе? А?

– Скорее они не лезут в Лилейский пролив из-за племени Нюй, – Юлиан покачал головой, затем вспомнил. – Я их, кстати, пообещал сопроводить к озеру через несколько дней.

– Зачем?

– Они же боятся Спящего и каждое его пробуждение пережидают в водах озера Иво.

– Спящий в дом, наги – вон! – расхохотался ядовито Вицеллий Гор’Ахаг и затрясся от смеха.

Юлиан с осуждением посмотрел на старого учителя, но тот лишь усмехнулся.

– Им бы поселиться здесь, в Ноэле.

– Они и так в Ноэле, – старик блаженно раскинулся на диване и чуть сполз вниз.

– На суше, а не в море. На Юге наги спокойно живут среди людей уже тысячи лет.

– И что?

– Племя Нюй могло бы сделать также.

– И получить вилами в глаз, да, – Вицеллий ухмыльнулся.

– Но в Элегиаре…

– … в Элегиаре наги живут среди людей уже тысячи лет, – веномансер перекривлял графа его же голосом, – да только за долгую историю все расы успели порезать друг другу глотки. Пусть сидят в своем море и не вылезают.

– Когда-то же нужно начать.

– Ты точно друг племени Нюй? – веномансер колко взглянул на Юлиана. – Или, может быть, даже грезишь о добре для всех?

– Нет, я в такое уже не верю, учитель. Не мне, лишившему жизни больше трехста человек, говорить о всеобщем добре.

– Триста, триста? – Вицеллий Гор’Ахаг хохотнул. – Ты ведешь счет, скольких ты отправил к Прафиалу, Юлиан?

– Учитель, прекращайте. Лучше помогите советом.

– Вот тебе мой совет. Пусть Ноэль остается таким, какой есть. Без вонючих оборотней, вечно линяющих нагов и мозгоклюев каладриев, – на лице Вицеллия застыла гримаса отвращения. – Я уже полюбил чистый мир без всех этих.

Вицеллий был невыносим, однако за долгие три десятилетия Юлиан привык к заносчивому снобизму старика-аристократа.

– Неужели вы совсем не скучаете по Элегиару?

– Только по суккубам.

– И всё?

– Всё, – ухмылка вновь расползлась по лицу веномансера. – Север мне импонирует больше.

– Вы бы хоть что-то рассказали про Золотой город, – вздохнул граф. – А то как воды в рот набрали.

– На длинном языке хорошо вешаться, знаешь такую поговорку?

– Вицеллий, Вицеллий… – покачал головой Юлиан де Лилле Адан.

На несколько минут в кабинете повисла тишина, а граф затем поднялся с дивана и с усталым видом заходил туда-сюда, заложив руки за спину халата. Время от

времени он касался серебристых трубочек в волосах, приглаживая шевелюру, но потом вспоминал, что это был отцовский жест, присущий и Малику, и убирал руки от головы.

За прямоугольным окном уже живо работали слуги. Кто-то поливал цветы водой из колодца, другие выводили коней на прогулку из денников, чтобы те размяли ноги, а третьи остервенело мели дорожки. Безмолвная стража зорко следила за деятельностью слуг, как и бдительный Кьенс. Иногда этот очень худой вампир подходил к какому-нибудь нерадивому слуге и молча тыкал пальцем в то, что его не устраивало.

Лапистая ветвь душистой сосны покачивалась напротив окна, касаясь его. В ветвях метался нахохлистый черный воробей и бегал взад-вперед по дереву.

– И все-таки северные наги выглядят куда меньшей угрозой, чем Левиафан, – наконец, произнес Юлиан, рассматривая воробья, который, в свою очередь, отчего-то не улетел, а наклонил голову и тоже глядел на Юлиана.

– Потому что ты с ними еще не столкнулся. Будь дальновиднее. Если не будешь смотреть вдаль, то захлебнешься от проблем вблизи.

– Учитель, а может попробовать пригласить с Южных земель какого-нибудь могущественного мага, чтобы тот избавил нас от проблемы с Левиафаном?

Юлиан снова начал измерять кабинет шагами в мягких туфлях, ходя из угла в угол. А веномансер сидел на диване и поглаживал узловатыми пальцами, изъеденными кислотами, жесткую сумку. Там хранились самые сильные яды, те, что и граф, и веномансер опасались оставлять в лаборатории, даже запирая ее на ключ. Те яды, что доставляли под заказ с той самой Элейгии – сердца веномансии и магии Южного континента.

– Чем сможет помочь даже сильнейший маг?

– Разорвет сердце Левиафана, ослепит, задушит, да даже достанет из воды заклинаниями, и на берегу мы убьем его.

– Охо-хо-хо… – бледные губы веномансера растянулись в коварной улыбке, а его лицо вытянулось. – Поднимет из воды, задушит… Хо-хо.

– Да можно же бурю наслать, в конце концов, чтобы та выбросила Спящего на скалы! – продолжал сотрясать воздух, увлекшись, Юлиан.

– Юлиан, мой ретивый, но не очень сообразительный ученик. У Левиафана вероятнее всего несколько сердец, это раз, его размеры более пятидесяти васо, это два, поэтому весит он… Ох, я даже не знаю, сколько он весит, Юлиан. Но это ужасные цифры – это три! А что касается бури…

– Да, вариант с бурей хорош.

– … у Спящего очень мощные искривленные конечности, мы видели это с тобой четырнадцать лет назад. Он сможет вернуться в море самостоятельно. И нет таких магов, которые бы смогли поднять из воды такую махину, разорвать ее сердце и прочее.

– Я же видел, мастер… – тихо сказал Юлиан и покачал головой, не соглашаясь.

Юлиан прекрасно помнил Пацеля из Детхая, могущественного мага, пожалуй, самого сильного из всех тех, что он узнал на своем веку. Тогда, тридцать лет назад, Пацель силой мысли поставил весь город Большие Варды на колени. Что стоит с такой силой убить всего-навсего одного реликта?

Здесь же, в Ноэле, маги тоже водились, но они были столь слабы, что им поручали либо разогнать тучи над головой, либо затянуть небольшие раны, либо отпугнуть вредителей с полей. На этом все. Наука магии требовала долгих лет кропотливой учебы, так что самые могучие чародеи жили исключительно на Юге, при дворах королей, и Ноэль им был крайне неинтересен.

– Если ты насчет Пацеля, то я сомневаюсь в том размере его силы, что ты себе придумал, – развел руками старый веномансер.

– Моя память меня не подводит, учитель…

– Я еще раз говорю, он не мог проникнуть в голову человеку силой мысли, не произнеся ни одного заклинания на языке Хор’Аф. Это невозможно!

– Но Пацель это сделал, учитель. И даже более того…

– … да я знаю про вторую часть истории с упавшими на колени людьми. Ты мне это уже сто раз говорил.

Теперь уже Вицеллий Гор’Ахаг нахмурился, поднялся с дивана и подошел осторожным тихим шагом к окну, у которого стоял Юлиан, и тоже посмотрел на ладно работающих слуг и качающееся за усыпанным олеандрами холмом море. Оба, и ученик, и учитель, касались друг друга плечами, сложив руки за спиной. И на лицах обоих царило выражение смятения и непонимания.

Старый веномансер не любил непонятные вещи и подозрительно относился ко всему, что выбивалось из его картины мира. Все, что туманно, попадало в категорию опасностей.

– Тогда Пацель нашел какой-нибудь древний артефакт. Я знал Пацеля более пятидесяти лет назад, уже тогда он обращался к другим магам для омоложения, потому что ему не хватало собственной силы и знаний. А тут власть над толпой? Невозможно!

– Артефакты, источники… Вполне может быть, хотя Пацель так мало говорил о своей жизни. Так, ладно, давайте прекратим разводить антимонию, вернемся к теме разговора, учитель. А что насчет того, чтобы заплатить нескольким сильным магам?

– Похоже, что я дал тебе излишне большую дозу Белой Розы, – веномансер поправил одну из трех золотых цепочек на пелерине. – Я же сказал, что маг любой силы бесполезен против Спящего. К тому же, он, как и ты, и прочие реликты, скорее всего вообще невосприимчив к магии.

– Но что-то нужно сделать!

– Юлиан. Я, как тот, кто был правой рукой Короля Горацио Пятого, прозванного Золотым, тот, кто был вхож в опочивальню самой королевы в любое время суток,

тот, кто присутствовал на секретных советах Консулов, являясь одним из них, заявляю, что магия тебе не поможет со Спящим. Не будь глупцом и прислушайся к тому, кто знал Великих Магов не понаслышке.

– Но я не могу бездействовать, учитель…

Вицеллий Гор”Ахаг иронично поднял бровь и развел широко руками.

– Невежественный поступок порой приносит больше бед, чем бездействие.

Улыбнувшись одной стороной лица, так как вторая после перенесенной болезни имела меньшую подвижность, Вицеллий Гор’Ахаг покинул кабинет. Юлиан остался в одиночестве в размышлениях. Тем временем Мариэльд вышла из особняка и, шелестя серым подолом, расслабленно присела на скамейку в окружении лорнейских сосен. Ее белоснежные косы лежали на худых плечах, а ясные голубые глаза из-под прикрытых век наблюдали за возней прислуги. Прислуга же очень быстро потерялась, не желая мозолить глаза хозяйке.

Очень скоро к Мариэльд присоединился и Вицеллий. Он поправил свое длинное белое платье, пелерину красного цвета, что считался в Ноэле траурным, и сел рядом с графиней. Впрочем, нравы и порядки Ноэльских земель не очень интересовали старого веномансера – он не стал заказывать перешив любимых алых одежд, символизирующих в Элегиаре аристократию, из-за каких-то, по его мнению, глупых суеверий.

Юлиану порой казалось, что своей красной пелериной, соединенной тремя золотыми цепочками, Вицеллий мысленно переносит себя обратно в Элегиар, где прошли почти все годы его жизни, трудной, но яркой. Старый веномансер, сейчас больной и немощный, некогда был очень живым мужчиной, экспериментатором в области веномансии, Алым Змеем, как его называли при дворе. Однако, о своей службе вампир говорил мало и редко – и на то были причины.

И дело было даже не в клятве неразглашения, на которую, как понимал Юлиан, Вицеллию было плевать, а в событии 2119 года. Тогда, по истории, которую граф узнал от приезжих купцов и из книг, погибли тысячи нищих в Гнилом районе Элегиара. И виновным называли, без преуменьшения, Вицеллия Гор’Ахага и его яды. Якобы он отравил колодцы, чем вызвал жуткие болезни и последовавшие за

ними смерти. А самого Вицеллия, по тем же рассказам, казнила толпа.

Сам же старик прибыл в Цветочный особняк посреди дождливой ночи три десятилетия назад. И имел он из пожитков одну лишь пелерину, которую прятал за жутким балахоном. На все вопросы, что произошло на самом деле и как он избежал народного гнева, Вицеллий отнекивался и молчал. Да вот только, когда в имение Лилле Адан прибывал кто-то из Срединного Юга, Вицеллий неожиданно терялся и запрещал вообще упоминать, что он здесь живет. Юлиан был уверен, что бывший Королевский веномансер от чего-то или кого-то прячется, но таланта уметь держать язык за зубами у старика было не отнять.

Юлиан из окна наблюдал, как Вицеллий и Мариэльд неспешно общаются, а сам пребывал в думах. Может быть, действительно, не стоит вмешиваться в дело со Спящим больше, чем положено? Свою миссию граф Лилле Адан выполнил, отправив гонцов во все порты. Да, будет потеряно два-три месяца. Да, за это время Левиафан пожрет множество кораблей. Но бороться с этим огромным реликтом было бесполезно.

Глава II. Наследие одиночества

В это время в Офурте зима еще сопротивлялась теплым ветрам и яркому солнцу, а старик Аард, по мнению жителей Вурдалачьего края, все не мог до конца разбудить горы от спячки. Йева фон де Тастемара приоткрыла лениво один глаз, уставившись в узкое и длинное замковое окно, что слепило поутру. Из него почти и ничего не было видно – лишь полосу леса да плешивые вершины гор с остатками снега. Холодный ветер бросался на бойницу, гудел и тряс донжон до самого основания. Где-то поодаль от замка, в перерывах между бесноватым воем ветра, слышались рокот ручья и весенний щебет птиц.

Уже очень долго Йева не чувствовала холод по-настоящему, но всегда внутри ее что-то все равно морозило. И вот сейчас, закутавшись в меховое одеяло, она перевела взгляд на скудную мебель, что делала мрачную комнату, пожалуй, еще

мрачнее. Подсыревшый от влаги громоздкий шкаф, отдающие плесенью волчьи шкуры, которые укрывали пол и каменные стены, и старая огромная кровать с войском клопов – от всего этого Йева вздрогнула и тяжело вздохнула. Она так и не смогла привыкнуть к офуртской сырости.

На ногу женщине опустилась украшенная серебряным перстнем с агатом мужская рука и погладила обнаженную Йеву, затем нахально скользнула промеж бедер.

– Горрон, неужели Вам мало?

– Это тебе мало. Я уже не знаю, как вытащить тебя из ледяного кокона. Может быть тебе нужен еще один мужчина?

– Как вы можете такое говорить… – ответила Йева и отвернулась от хитрого взгляда.

– А почему нет? В Габбросе многие важные дамы любили, когда их навещали более двух партнеров одновременно.

Девушка в ответ лишь фыркнула и попыталась спрятаться от настырного мужчины под теплое одеяло, намотав покрывало на себя. Но Горрон, не терпя возражений, схватил Йеву за талию и подтянул к себе. Блеснули клыки, и с потемневшим взором мужчина прокусил шею графини Офурта, а та чуть томно вздохнула.

– Значит, идея понравилась. Я так и знал! – лукавые глаза бывшего герцога опасно блеснули.

– Нет-нет. Горрон, немедленно прекращайте читать мои мысли!

Йева выскользнула из объятий Горрона де Донталя и, потирая окровавленную шею, на которой пестрели следы от старых укусов, сползла с кровати. Она

промокнула стекающую кровь платком, взглянула на нахально играющего бровями герцога и с печальным вздохом принялась одеваться.

– Бестия порвала очередную стаю, но та ненадолго увела ее от Дорвурда. – произнесла, наконец, девушка и снова прикрыла глаза, окунаясь в видения вурдалаков.

– А зачем ты позволила Бестии убить низших?

– Я надеялась, что они смогут с ней справиться.

– Йева, Йева. Такой ценный ресурс, как вурдалаки, растрачивать на то, чтобы просто отвлечь зверюгу? Ты могла взять одного-двух низших и заставить их погонять реликта по лесам, завлекая его в чащу, но не допуская смертей.

– Я же сказала, что думала – стая справится. Но Бестия перебила шестнадцать вурдалаков… – с пустым взглядом, обращенным к стене, графиня Офуртская подтянула на икрах собравшиеся в гармошку чулки. – Я знаю, что это была напрасная жертва, но что мне еще предпринять, Горрон? Реликт знает, где стоит город, полный людей. И если в начале сезона Граго чудовище еще удавалось отвлечь парой-тройкой вурдалаков, то теперь, по весне, он голоден и озлоблен… Я… Ах, впрочем, это не важно! – Йева закончила речь уже с неприкрытым раздражением.

Герцог поднял в негодовании бровь. Ленивым движением он перекатился по темной простыне, заляпанной кровью, и сел на край широкой деревянной постели – бывшего ложа Райгара Хейм Вайра. Горрон де Донталь дождался, когда Йева наденет любимое шерстяное платье и приколет к груди серебряную брошь с вороном. Он взглянул на девушку выжидающе и хитро стрельнул глазами в сторону стула, на котором лежали его вещи. Уже привыкшая к прихотям Горрона, который поначалу казался девушке куда более интеллигентным, Йева взяла халат и надела его на мужчину.

В бордовом халате с символами золотого дуба, расшитого нитями, он потянулся и замахал руками, разминаясь.

– Интересно, а будь на моем месте Юлиан, как бы ты тогда себя вела с ним, а, Йева? – голубые глаза герцога вцепились в молодую девушку.

– Юлиан даже не взглянул бы на меня, – покачала головой Йефа фон де Тастемара. – После всего того, что произошло…

– Вопрос был о тебе, Йева, а не о Юлиане, – рассмеялся Горрон, а затем задумался. – А ведь тридцать лет прошло. Ему уже более полусотни зим.

– Да, он, вероятно, поменялся уже.

Йева подошла к узкому и длинному окну и с трудом втиснула локти на каменный подоконник, посмотрела на снующий слева и внизу город и белеющие вдали горы Астернот. В лицо ей бросался рычащий ветер, и, прищурившись от северных порывов, девушка тут же отошла с той мыслью, что надо бы завесить чертово окно шерстяными гобеленами. А с другой стороны, тогда ее комната лишится и этого единственного животворящего пучка света, погрязнув во мраке.

– Думаю, что Мариэльд окончила его шлифовку, если можно так выразиться… Хм… хм… Как же быстро пролетают годы… Три десятилетия! Да, я скоро покину тебя, Йева.

– Вы поедете в Ноэль, Горрон?

– Да! – очень живой и активный герцог погладил ладони. – А потом через Йефасу, после суда Ярвена Хиамского, попаду в Брасо-Дэнто и зимой вернусь сюда.

Йева невольно вздрогнула. Ей было тоскливо и одиноко здесь, в мрачном Офуртском замке. Без отца, без брата, и лишь деятельный Горрон своей энергичностью заставлял Йеву шевелиться. Как бы она сама хотела поехать в Ноэль, увидеться с Уильямом, который сменил имя на Юлиана, а затем навестить отца. Нечастая деловая переписка с графом Тастемара лишь нагоняла уныние. Филипп не привык к теплому общению через письма, а потому от посланий из Брасо-Дэнто всегда сквозило могильным холодом и официальностью.

“Перед праздником Аарда мы опрокинули войско графа Ларгоона у границ Стоохса. Восемью эскадронами был проведен обходной маневр в тыл противника. Потери составили порядка двух сотен коней с нашей стороны и двух

тысяч пеших со стороны Стоохса. Летом, 56 дня Самама, противник повторил попытку атаки на Амм, но снова потерпел поражение из-за череды тактических ошибок. До следующей весны война остановлена. Урожай за текущий год превысил показатели за прошлые сезоны в 1,3 раза. Под Феррантом были разработаны новые рудники...” – это напоминало скорее отчеты военачальника и управителя, нежели ласковые письма отца.

– Что же мне делать с Бестией в Ваше отсутствие, Горрон?

– Ну… Кто ж знал, что эта тварь, разбуженная нашим Юлианом, залечивает любые раны. Води ее пока по лесам, отвлекай внимание и не пускай к Дорвурду и тракту. Но не позволяй вурдалакам умирать! За время твоего правления эти бедняги стали близки к исчезновению, как никогда.

С явно различимым сарказмом в голосе Горрон снова плюхнулся на постель и почесал небольшой живот через края халата, запустив под них руку.

– Передай Роллану, чтобы подготовил коней. Со мной поедут Баннил и Демиар, больше никого не нужно. И чтоб лучшие платья положил! Ноэль – это вам не Офурт, там нужно одеваться красиво.

Йева сложила на груди руки, оперлась о пахнущий плесенью шкаф и с легким осуждением посмотрела на герцога. Она молчала и старалась возвать Горрона к совести укоряющим взглядом. Но тот, будучи вампиром абсолютно бессовестным, лишь широко улыбнулся.

– И я очень надеюсь, что меня и моих слуг по дороге не загрызут вурдалаки, – с хохотом добавил черноволосый мужчина.

От этих слов девушка поджала губы и покинула спальню, в которой уже долгие десятилетия жил и бывший герцог, считая ее скорее своей, нежели графини Офуртской. Порой Йеве даже казалось, что не она правит и управляет Офуртом, а Горрон. Вокруг любвеобильного родственника Филиппа постоянно вились толпы глупо хихикающих служанок, раздражавших Йеву кокетливыми ужимками. Не раз и не два женщина обнаруживала на своей половине кровати чужие женские волосы, на что Горрон лишь ласково улыбался и разводил руками, мол, что с него взять? Графиня уж было приловчилась втихую отсылать

любовниц назад в город, но на смену старым, к радости герцога и с его подачи, приходили новые. Да что уж там женщины… Даже костюмов у Горрона де Донталя было намного больше, чем у графини.

Йева спустилась по витой узкой лестнице вниз и раздала указания, кутаясь в пышную шаль. Донжон Офурта казался совсем крохотным по сравнению с Брасо-Дэнто: всего в два этажа, из плохонького камня, да еще и без каминов в большей части помещений. Он был сырым, вечно подтекал, его постоянно прохватывало злыми ветрами, и даже вампиры, населявшие замок, казались мрачными и холодными.

Здесь не было ни южных расписных ковров, ни темного теплого дерева, ни больших окон на верхних этажах замка – лишь узенькие бойницы. Йева часто вспоминала, с какой любовью граф Филипп садился в мягкое кресло, деловито протирал платком стол и принимался за работу. В ее памяти часто всплывали его ласковые отцовские объятия и поцелуй в лоб или нос, от которого Йева почему-то морщилась, хотя сейчас бы она отдала что угодно, лишь бы просто обнять Белого Ворона.

Но ему было не до посещений дочери в последние десять лет, как и Йева не могла покинуть замок, чувствуя ответственность перед отцом. У Филиппа фон де Тастемара возникли серьезные проблемы со Стоохсом и Глеофом одновременно.

В 2138 году по общему летоисчислению пала Великая Флоасия. Большой Глеоф захватил столицу – Ламойтет, и короля Флоасии, Эдварда Жестокого, в назидание подвесили на стене крепости. С того дня Глеофский король Августс самопровозгласил себя императором, а королевство Большой Глеоф – империей. От заявления разом вздрогнули все соседи Глеофа: Дриад, Летардия, Бофраит и Солраг.

Тогда же Филипп понял, что следующим, возможно, настанет очередь Солрага. Глеоф молчал и выжидал, а все пограничные города Вороньих земель планомерно укреплялись, предчувствуя скорую войну. Сам же граф Тастемара, став по сути королем независимых Солрага и Офурта, начал стремительно наращивать регулярную армию. В замке он теперь бывал только холодными зимами, а остальное же время проводил в обучении войск, тренировках и у границ.

А двумя годами позже, в 2140 году, произошло то, что должно было произойти. Йева часто возвращалась воспоминаниями в тот промозглый вечер, когда погода смогла переплести в одно целое моросящий дождь и сырой колышущийся вокруг замка туман. Тогда Горрон де Донталь сидел перед большим камином в нижнем зале и с искрящимися от смеха глазами рассказывал какой-то особо пошлый анекдот, заставляя содрогаться от хохота весь донжон. После короткого стука в просевшую под вечными напорами ветра дверь слуга сообщил, что от Филиппа прибыло срочное известие.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал тогда Горрон. – Что же произошло в Брасо-Дэнто, отчего мой молодой друг решил отправить гонца? Неужто повышенный приплод на кобыльих конюшнях? Или сухие цифры по яровым, с успехом в долю процента? Или хвастается очередной водяной мельницей на реке Брасо?

С масляным и веселым взглядом Горрон тогда подскочил с кресла, разорвал и так взмокшую от дождя бумагу, и, победоносно помахав в воздухе аккуратно сложенным письмом, принялся читать в свете камина. Со смешками над родственником, впрочем, беззлобными, бывший король Крелиоса пробежал взглядом по тексту, произнес вступительное приветствие от Филиппа фон де Тастемара, как обычно, замогильно официальное. И вдруг резко умолк. С вечно сияющего лица Горрона спорхнула непроходящая улыбка, взгляд его резко омрачился, и живые голубые глаза потухли – за одно мгновение герцог постарел. Тогда Йева в страхе поднялась из кресла, решив уже по тому, как быстро отлила от лица Горрона кровь, что у герцога прихватило сердце. Но тот, качнувшись раз от слабости, вцепился мертвой хваткой в подлокотник и удержал себя. И стал читать дальше, в состоянии ужаса шепча отдельные слова вслух.

Основное содержание письма начиналось двумя словами – «Крелиос пал». Об этом известил Филиппа посол Стоохса, Ханри Обуртальский, который все-таки смог вовремя переметнуться на сторону Артрона Буйного. Граф Даббли фон де Ларгоон, сын известного военачальника Роршара фон де Ларгоона, захватил Габброс. Свихнувшегося Элуара Третьего триумфально протащили на привязанной к лошади Даббли веревке до самой стены, отчего король и умер.

Тогда герцог перестал замечать все вокруг, вцепился в послание и медленно, пошатываясь, ушел в гостевую комнату, где просидел перед холодным камином почти с месяц, без еды и дремоты. Горрон де Донталь любил менять костюмы по два или три раза на дню, но за время своего пребывания в добровольном

заточении, с письмом в руках, он ни разу не переоделся. Горрон де Донталь любил разговоры, веселье и был энергичен, как мужчина в расцвете сил, но за месяц из его спальни не донеслось и звука. Горрон де Донталь не представлял свой жизни без женской ласки, и с намекающими взмахами бровей и ухмылочками частенько являлся к Йеве в самый неподходящий для нее момент, но за тот месяц улыбка ни разу не родилась у него на губах.

Через месяц Горрон де Донталь вышел из опочивальни, как всегда, веселый и улыбчивый. Но все вокруг понимали, что эти дни стали для него, возможно, самыми ужасными. Он похоронил собственное дитя, которому отдал без преуменьшения всю свою долгую жизнь. Герцог знал, что Крелиос рано или поздно падет. Но, одно дело знать, а другое дело увидеть буквально своими глазами труп ребенка, прах Священного Крелиоса.

Тогда же похоронили и верного слугу Гиффа, который мог бы прожить еще с пару десятков лет, благо природа наградила этого вампира на удивление отменным здоровьем. Но, переживая за своего господина, слуга схватился в один из дней, когда Горрон заперся в спальне, за сердце и умер на руках у брата.

После всего случившегося Йева открыла для себя, что Горрон де Донталь, при всем его напускном простодушии, наверное, самый сложный и многогранный в ее жизни мужчина, умело прячущий от других свои душу и сердце. И пусть графиня Офурта была для Горрона лишь мимолетным видением в его безразмерно длинной жизни, обычным обещанием ее отцу, Филиппу, но молодая женщина все равно прониклась к плутоватому герцогу особой теплотой и стойко терпела все подтрунивания и шутки в свою сторону. Конечно же, не без обид, но терпела, и даже не подозревала, что Горрон, чувствуя в душе Йевы томление и тяжесть одиночества и тоски, делал это все с одной целью – взбодрить и растормошить девушку.

Пребывая мыслями в тягостных воспоминаниях, Йева попросила слугу выдать накидку и, одевшись в тонкий черный плащ, скрепленный серебряной фибулой ворона, вышла в город. За ней последовали трое рослых воинов, по приказу Горрона. Миниатюрная женщина теперь везде появлялась лишь в сопровождении облаченной в гвардейские доспехи фон де Тастемара охраны.

Из совсем маленького внутреннего двора, где вплотную к донжону ютились хозяйственные постройки, съедая и без того тесное пространство, она вышла по

мостику в город.

– Куда вы идете, госпожа? – спросил очень вежливо страж.

– К площадке Бразегмаут, Сэм, – ответила девушка и, перекинув огненную косу через плечо, медленно побрела через город.

Сопровождавшие графиню мужчины грубо отталкивали кидающихся к госпоже нищих и безумцев. Другие же, более разумные люди, сами уступали дорогу. Йева видела все, но одновременно была слепа и смотрела сквозь толпу. Она думала об отце, Юлиане и Леонардо. Слова Горрона разбудили дремавшие воспоминания, и Офуртгос, который Йева так и не смогла полюбить, стал еще сильнее сдавливать ее со всех сторон.

Грязный холодный донжон и молчаливые жители Офурта – вот что видела она, и ничего больше. Коренное население края Вурдалаков казалось совсем другим, не таким теплым, как восточные Филлонейлы, которых в Брасо-Дэнто было в достатке. Рыжеволосый народ жил в краях куда суровее Офурта, но смог сохранить легкость, жизнерадостность и прямоту. В их волосах скакал огонь, остывая и темнея при смешении кровей, в глазах сверкали изумруды либо коричневые агаты, а умение владеть мечом, копьем и луком и давать жесткий отпор неприятелю не мешало Филонеллонцам слыть веселыми людьми с открытым и добрым сердцем.

Офуртяне же были народом скрытным, холодным, как вершины гор Астернот, и суровым. Их набожность и нетерпимость к другим религиям были настолько велики, что, ничего не имеющая против обычного поклонения Ямесу, Йева теперь презрительно морщилась от каждого упоминания этого Великого Отца. А офуртяне вставляли мольбы или восхваления их единому богу через слово.

Девушка шла по грязным улицам, нахохлившись. Она плотно закуталась в плащ, словно на дворе была не весна, а сезон Граго. Трое молчаливых охранников сопровождали графиню, переглядываясь меж собой, когда Старейшина этого не замечала.

Ничего не видя вокруг себя, Йева от покосившегося углового дома с соломенной крышей свернула в узкую улочку, которая привела бы ее на площадку Бразегмаут. Там, у пропасти, открывался вид на восток офуртской долины.

Когда Офурт не был объят туманом, а это происходило не так часто, как хотелось бы, Йева любила посидеть на скамейке в одиночестве. Взором она терялась в той стороне, где находились Вороньи Земли, и мысленно раздвигала горы, проникая сознанием в родной Брасо-Дэнто. Графиня надеялась, что у отца, который пока не мог навестить ее, все наладится. По этой же причине Йева, чтобы не добавлять головных болей Белому Ворону, в ответных письмах всегда сообщала, что в Офурте все хорошо.

Когда-то давно Йева лежала в постели с Уильямом, и этот рыбак с упоением рассказывал о стройных сосновых лесах, о чистом и священном воздухе Офурта. Тогда же он, бывало, прикрывал глаза и шепотом объяснял, как пахнут разные цветы и травы, коих в Земле Вурдалаков была тьма. Златовик казался ему самым сладким ароматом на свете, а уж если добавить в букет к этому желтому растеньицу и спокушку с фиалкой, то благоухание унесет в дивный мир грез даже приземленного человека. Воспоминания о шуме горных рек, полноводных весной и летом, заставляли Уильяма улыбаться, и он убеждал Йеву, что, хоть народ в Офурте и суровый, но сам край невероятно прекрасен и обязательно понравился бы Йеве, поживи она там немного. Но вот все вышло совсем наоборот…

Графиню Офурта встретили не стройные сосны, а мрачные и темные леса, не чистый горный воздух, а ощущение тесноты и сдавливания из-за расположения Офуртгоса в узкой долине. Даже мерзкий тягучий туман, часто возникающий из ниоткуда, что было привычным делом для гор, лишь усугублял чувство одиночества.

Из-за угла каменного покосившегося дома выглянула старая женщина. Она проводила взглядом медленно бредущую Йеву, погруженную в мрачные думы, а затем пошла за ней, очень живо.

– Госпожа, – позвала негромко дама, скорее всего жена весьма обеспеченного человека.

Ее темно-синее платье с завязками впереди укрывала в плечах темная шаль, а в волосах цвета вороньего пера плясало серебро, мелькая то тут, то там из-под белого чепца. Красивые голубые глаза, опутанные густой сетью морщин, делали лицо очень живым, неподвластным почтенному возрасту.

Йева обернулась. Воины обступили худенькую графиню, злобно зыркнув на горожанку, посмевшую приблизиться к хозяйке.

– Что тебе нужно? – спросила недовольно Йева, предполагая, что она услышит очередные жалобы.

– Госпожа… Извините меня. Но. Я… Я помню Вас. Вы тогда были на площади в Вардцах, когда Уильяма забрали в Солраг.

По телу графини Офурта пробежала дрожь. Она поняла, что за женщина стояла перед ней – возраст и внешность совпадали. После тяжелого вздоха Йева махнула рукой охране.

– Оставьте нас.

После того, как трое гвардейцев решили, что чуть полная женщина в годах не будет опасна хозяйке, они удалились. Йева развернулась и медленно пошла дальше, к площадке Бразегмаут.

– Ты Линайя? – спросила графиня через плечо.

За ней следовала по пятам пожилая Линайя, понимая, что столь могущественная, по мнению жены Генри, женщина не будет прерывать свой маршрут из-за какой-то там обычной горожанки Офуртгоса.

– Да, госпожа.

– Что ты хочешь?

– Узнать про Уильяма, госпожа. Я вижу, что вы ничуть не изменились за много лет. Быть может, и Уильям остался таким же?

– Да, – Йева плотнее закуталась в плащ.

Линайя с удивлением смотрела на бледное лицо графини, которая, как ей показалось, замерзла. Но день был на удивление погожим для такого сурового края, как Офурт, а ветер и вовсе утих, и отчего эту знатную госпожу так трясло,

пожилая Линайя понять не могла.

Наконец, женщины ступили на площадку. Она, имея полукруглую форму, нависала над необъятной пропастью, дно которой усеивали колючие кусты да голые камни. С Бразегмаутской скалы открывался вид на много миль вперед на раскинувшиеся перед городом сосновые леса, и в последние годы, подходя к краю каменистого обрыва, Йева стала замечать за собой странное тягучее желание наклониться вперед.

– Вы знаете что-нибудь о Уильяме? – поинтересовалась Линайя, замерев на почтительном расстоянии от графини.

– Он сейчас живет в Ноэле.

– Ноэль. Я не знаю, где это… Но у него все хорошо?

– Наверное да, – вздохнула Йева. – Я живу в Офуртгосе уже три десятилетия, но почему ты подошла ко мне только сейчас?

На лицо Линайи с мягкими и округлыми чертами легло горе, а уголки глаз повлажнели.

– Позавчера я похоронила своего мужа Генри. Я отдала долг и мужу, и отцу, и поэтому решила спросить Вас, госпожа. Я рада, что у Уильяма все хорошо и он счастлив.

Пожилая женщина нервно поправила рукава темно-синего платья, чувствуя себя не комфортно рядом с этой мрачной и словно одинокой графиней, природная красота которой приглушилась из-за болезненного вида. В лучах весеннего холодного солнца блеснул знакомый браслет.

– Уильям вернул тебе браслет? – удивилась Йева, вцепившись острым взглядом в серебряную побрякушку на запястье.

– Да, – смущенно ответила Линайя. – А… Простите, госпожа. Но откуда вы знаете про него?

Йева осталась безмолвна. Эта бывшая невеста Уильяма, а теперь уже женщина в немолодых летах, так остро напомнила графине о тех счастливых днях, когда она лежала в обнимку с рыбаком, а ее отец работал вместе с ним в кабинете, тепло общаясь, что Йеве сделалось дурно. Сложив руки на груди и впившись ногтями в локти сквозь накидку, хозяйка Офурта промолчала. Она посмотрела куда-то вдаль, на восток, туда, где долина изгибалась, упираясь в горы Астернот.

Линайя за долгие три десятилетия научилась чувствовать в людях то, что они скрывают. Она вырастила шестерых детей и собственными глазами видела, как малыши взрослеют, борясь со страхами, как эти же страхи уходят вглубь их сущности и травят всю жизнь, подобно яду. И вот теперь она различила на бледном лице рыжеволосой графини и тоску, которой иногда предавалась и сама Линайя, и страх. Это могла быть тоска по чему-то другому, но супруге Генри показалось, что ее слова про Уильяма нашли отклик в сердце женщины. Да и откуда она могла знать про браслет?

– Вы любили его? – осторожно спросила Лина, боясь навлечь на себя гнев.

По худому телу хозяйки Офурта пробежала легкая дрожь.

– Да…

– Но почему вы не вместе? Вы же такая же, как и он? – Линайя вспомнила длинные клыки и с рассеянным видом чуть отошла от графини.

– Это тебя, обычную селянку, не касается! – неожиданно сама для себя вспылила Йева. – Я тебе не сестра, не мать и не подруга, чтобы ты смела задавать такие личные вопросы!

Из-за деревьев к площадке спустился невысокий мужчина, лет двадцати. С дымковыми глазами, чуть полный, но с виду смирный и добрый, он нашел глазами Лину и вздохнул. За его спиной высились на целую голову охранники Тастемара, следующие за подозрительным незнакомцем. А внизу, из-за ноги мужчины, выглядывал совсем маленький карапуз, с ясными наивными глазками, мальчик лет так двух или трех.

– Матушка. Мы тебя все ищем, – возвестил скромно одетый в плотные штаны да светлую рубаху под черным жилетом сын Лины и Генри.

– Извините меня, госпожа, за мои глупые вопросы, – прошептала Линайя и перепуганно посмотрела на графиню.

– Уйди прочь и не смей мне больше попадаться на глаза, – с яростью в голосе прошипела Йева.

А потом укуталась в плащ и чинно прошла мимо Линайи, заметив, как к той на руки полез ласковый внук и принялся целовать женщину в обе щеки. Отчего-то Йева вспомнила Базила и его попытки заменить отвар против беременности обычным настоем из златовика, смешанным с кровью. Йева была слишком сурова к управителю. Нужно было дать ему шанс. Но теперь слишком поздно.

В состоянии отрешения графиня вернулась в замок, где обнаружила живо собирающегося в путь герцога. Горрон де Донталь, когда ему что-нибудь взбредало в голову, осуществлял это молниеносно и не терпел задержек.

– Вы так быстро покинете Офуртгос, Горрон? – стояла в спальне Йева, прячась в накидку. Ей казалось, что в замке даже холоднее, чем снаружи.

– А чего медлить? – Горрон наблюдал, как Роллан осторожно складывал одежду в вещевой мешок.

– Надолго вы задержитесь в Ноэле?

– Думаю, что с полгода. Как раз поспею на суд.

– Сир’Ес Мариэльд разве будет Вам рада на такой срок?

– Нет. Но, как равному, не сможет отказать в гостеприимстве, – хитро засверкал глазами Горрон де Донталь. – А я, в свою очередь, пообщаюсь с молодым графом

и все разузнаю, чтобы успокоить Филиппа.

– О чем Вы, Горрон?

Йева присела на край кровати, тоже посматривая на старые, но ловкие руки слуги, который был всегда молчалив из-за отсутствия языка. Роллан, стоя на коленях, делал вид, что не слушает разговор двух господ, и ретиво упаковывал вещи герцога.

– У твоего отца есть некоторые подозрения в отношении Мариэльд. За последние тридцать лет он, безумец, снарядил три отряда на Юг в Нор’Алтел, на другой край мира. Чтобы ты понимала, это обошлось ему в разорительную сумму.

– Сколько?

– Больше двадцати тысяч даренов. Золотых!

– Но зачем? – Йева охнула и уставилась на Горрона.

– Он до сих пор не может смириться с потерей сына, считает, что Мариэльд взяла опеку над Уильямом не по причине долгого одиночества, а из корыстных помыслов. А потому вдолбил себе в голову, что нужно разыскать того самого Зостру Ра’Шаса. Я пытался переубедить твоего отца, Йева, взывал к гласу разума, однако Филипп очень уперт и страдает от вымышленной им же истории… Но я вот съезжу в Ноэль, все выясню и успокою этого твердолобого барана. Хотя даже с доказательствами на руках дело будет не из легких… Ох… – бывший король Крелиоса закатил кверху глаза и горестно ухмыльнулся. – Мне порой кажется, что дар каким-то магическим образом привлекает к себе определенного наследника. Либо потом меняет носителя под себя.

Гладя подбородок, мужчина завалился на кровать с ногами в сапогах и почесал живот сквозь бордовый кафтан. Йева чуть подвинулась к своему наставнику, к которому успела привязаться, чтобы тот продолжил говорить. Она знала, что сейчас от Горрона можно будет услышать длинную историю из его очень старой жизни.

– Мой брат Куррон всегда был тоже невероятно упертым бараном, Йева. Когда мы основали Крелиос, соединив некогда враждующие между собой племена орун, брат отказался ехать на север.

– Он же остался в Перепутных землях защищать границы Крелиоса.

По губам графини Офурта пробежала легкая улыбка, когда тонкие пальцы Горрона взяли ее руку и начали поглаживать.

– Это отговорка… – ответил герцог. – Куррон терпеть не мог дворцовых интриг и всего, что касалось политики. Там, в Брасо-Дэнто, на тогда еще голой скале, ему было уютнее под проливным дождем, чем в теплых постелях с женщинами.

– Но как это вяжется с тем, что вы сказали про дар?

– Потому что через двести двадцать один год, в 806 году, он подобрал в одном разграбленном филонеллонцами поселении мальчика. И, без согласия со мной, воспитал его и передал дар Эйсмонту.

– Вы тогда сошли с трона, Горрон, – сама себе шепнула Йева, вспоминая летописи, хранящиеся у отца в шкафу.

– Да…

Глаза герцога подернулись дымкой и он вернулся воспоминаниями в те далекие времена, когда Лётэ только основал клан Сир”Ес, и Старейшин на Севере было много.

– И Эйсмонт, с которым я приехал знакомиться, показался мне точной копией Куррона. Он тоже любил традиции, всегда был верен слову и его лбом можно было колоть камни.

– Вы хотите сказать, что все наследники одного дара всегда похожи между собой?

– Да! А Ройс, следующий Тастемара, был слеплен из того же теста, что и Эйсмонт. Тот, кстати, подобрал его также в деревне около Далмона, просто

проезжая мимо. Ситуация с Эсмонтом мне показалась просто совпадением, но когда я познакомился с Ройсом, это уже стало выглядеть весьма странно. С каждым новым наследником у меня все более крепло ощущение, что мой брат Куррон все еще со мной, но под разными именами да обличьями.

– А Вы, Горрон… Как вы с братом получили дар: от созданий с таким же складом характера, как и у вас?

– Увы, я не помню.

– Как это вы можете не помнить тех, кто наделил вас бессмертием?

– Это очень долгая история, Йева, и даже для меня в ней есть много темных пятен. Но, мы сейчас говорим не обо мне, а о Филиппе. Он, хм… Из всех наследников дара Куррона он, пожалуй, один из наиболее гибких. Но все такой же упертый, – подытожил герцог Донталь. – С тобой ситуация повторяется, Йева.

После этих слов девушка смутилась и закуталась поплотнее в меховое одеяло, накинув его поверх скрепленного серебряной фибулой плаща. Ее морозило.

– Причем здесь я, Горрон?

– Ты закрылась ото всех, когда получила дар Райгара. Райгар Хейм Вайр считался весьма замкнутым Старейшиной, хотя до обращения он не чурался больших компаний и любил вместе с товарищами распить какую-нибудь девицу.

– Это все влияние Офурта, этого холодного и мерзкого края, – пробурчала девушка и тоскливо посмотрела в узкое окно, желая вернуться к любимому отцу. – Можно ли оставаться счастливым посреди сосновых мрачных пущ, в вечной завесе сырого тумана, сменяемой лишь снегами и проливными дождями? Вы живете здесь уже три десятилетия, Горрон. Вы должны видеть, что даже люд здесь совсем другой: топорный, как грубо сколоченный стул.

– Отнюдь… Я бы поспорил со сказанным. Люд везде существует одними стремлениями: жить в тепле, быть богаче соседа, питаться сытно и иметь под боком ласковую женщину, – Горрон де Донталь улыбнулся и ощупал взглядом дочь Филиппа. – Ты стала такой же, как и Саббас, и Райгар: тихой, отрешенной и

скрытной. Саббас предпочитал всем остальным общение с вурдалаками, что стали его семьей.

– Я не желаю иметь ничего общего с вурдалаками! – энергично покачала головой Йева фон де Тастемара, не веря сказанному.

– Но, когда ты смотришь их глазами, видишь их мысли и можешь приказывать, ты меняешься. Незаметно для себя.

Йева сердито вырвала руку из пальцев Горрона и поднялась с кровати, потянула за собой одеяло, в котором спряталась от всего мира. С мрачным видом она подошла к окну, волоча накинутое подобно мантии на плечи шерстяное покрывало и посмотрела сквозь узкую бойницу на снежные и острые вершины Астернот.

– Я не желала этот дар…

– Я знаю, – сказал тихим голосом Горрон, изучая проницательными голубыми глазами укутанное изваяние.

– Я хотела лишь остаться с отцом, Горрон, – лицо Йевы дрогнуло, а в глазах растеклась болезненная мука. – И быть ему любимой и верной дочерью. Я не правитель.

– Я знаю… – повторил герцог Донталь. – Увы, ни один Артерус не славился взвешенными решениями касаемо своих земель. В отличие от тех же Тастемара.

В комнате повисла гнетущая тишина. Безмолвный Роллан деликатно удалился из спальни господ, чтобы не попасть под гнев Старейшин, грея уши. Чтобы отвлечь девушку от самоистязания, Горрон де Донталь нарочито энергичным голосом перевел разговор в иное русло.

– Право же, мне иногда кажется, все произошедшее на суде и до него связано с тем, что дар Гиффарда сам выбрал Юлиана, как в свое время дар Куррона избирал в качестве наследников столь похожих между собой Эйсмонта, Ройса и, наконец, Филиппа.

– А как Гиффард получил свой дар? – тихонько откликнулась Йева. – Отец никогда не говорил об этом…

– Потому что отец Гиффарда, Эннио, прозванный Чужеземцем, пришел с Юга. И Совет никогда не доверял Эннио, как скажем, например, мне. А потому ты ни от кого о нем не узнаешь.

– Но ведь мы, Старейшины, были рождены на севере, все без исключения.

– Да, однако некоторые очень быстро покинули его вместе с другими расами, во время Великого Переселения, потому что в те годы север сотрясали землетрясения. Я мало знал Эннио, но Эннио много ведал о юге и был в очень хороших отношениях с Курроном. Он пришел на север, в Перепутные земли, за несколько десятков лет до основания Лётэ нашего клана Сир”Ес. И, пока я был занят правлением, Эннио стал верным товарищем Куррону. Когда я навестил графа Перепутных земель в 725 году, то мне даже показалось, что он воспринимал Эннио более родным, чем меня. А мы-то с Курроном, между прочим, произошли от одной матери, впитали ее молоко и покинули общину Донт вместе!

– А Уильям… то есть Юлиан стал для отца словно сыном, – заметила осторожно Йева, вспоминая, какой теплотой проникся, сам того не желая, к рыбаку Филипп.

– Да! Поэтому я настоятельно и советовал этому упрямцу усыновить Юлиана, раз уж эти два дара, Куррона и Эннио, оказались столь близки друг другу. Увы, мы не знаем, что на самом деле произошло вскоре после Слияния, и что в преданиях истина, а что ложь, а потому имеем смутные знания даже о нас самих. Но закрывать глаза на такие очевидные факты нельзя, Йева.

– Вы говорили о своем предположении отцу, Горрон?

– Конечно же нет!

– Почему?

– Потому что Белый Ворон с его исключительно логическим восприятием мира послал бы меня к чертям, – рассмеялся громко Горрон де Донталь. – Мне

пришлось убеждать его другими доводами, более приземленными.

– Так то, что вы говорите – это действительно похоже на сказку… Но мы все-таки не волшебные существа, Горрон, и даже невосприимчивы к этой самой магии.

От этих слов Горрон де Донталь лишь еще пуще расхохотался, подскочил с кровати ловким движением и с лукавой улыбкой обнял худенькую графиню, нырнув под одеяло и одежду нахальными руками.

– Все мы рождены из Неги, что разлилась из шва мира демонов, – прошептал на языке Хор”Аф Горрон, развязывая ленты платья. – Наша невосприимчивость к магии, да и то не всякой – это лишь особенность нашего вида, но все мы … Все мы – дети Двух Миров, рожденные из кровавых обрядов с помощью Неги.

Наконец, сначала верхнее черное шерстяное платье упало на пол, затем нижнее, и Горрон принялся распускать длинную косу цвета бронзы, которая подобно холодному огню плясала на бледных плечах девушки. Йева продолжала смотреть через узкое окно, пока герцог расцеловывал безмолвную женщину, скользя руками вдоль ее тоненького и миниатюрного тела.

– Каким же стал Юлиан тогда? Похожим на Гиффарда? – не обращая внимания на ласки Горрона, произнесла Йева.

– Он и так был похож на Гиффарда, ему не хватало лишь лоска, опыта и легкого налета аристократизма, – хрипло проговорил Горрон, расшнуровывая и свой кафтан, раз уж Йева не стремилась ему помогать.

Глава III. Осада Корвунта

Говорят, что весна – это время жизни. Но военные люди, что служат лорду поколениями, скажут: весна – время войны. И вот, по просохшей каменной тропе,

обнаженной после сошедшего снега, который укрывал пуховым одеялом Солраг зимой, двигались воины. Их было много, порядка двух тысяч пеших и полутора тысяч конных подкрепления. Хвост колонны волочился еще где-то в районе Мертвой Рулкии, пересекая ущелье по укрепленному мосту, а первые ряды уже собрались вокруг осажденного города.

Корвунт был наглухо закрыт от всего мира уже как с пару недель. Усиленные в несколько слоев металлом ворота были заколочены и приперты брусьями, а из-за прямоугольных зубцов высокой стены поглядывал караул. Вокруг города еще задолго до осады вырыли ров, упершись в камень. На широких мостовых стояли требушеты.

Река Малая Рулкия пробивалась между грудой камней и решеток под стеной, снабжая Корвунт чистой водой. Ее поток был быстр и стремителен, отчего осаждающие недовольно ворчали, не имея возможности отравить реку. Небольшой сосновый лес рядом с городом был подчистую вырублен.

– Смотри, Морр, послали очередного переговорщика! – окликнул один караульный другого.

Дозорные выглянули из-за зубцов стены, мельком и быстро, чтобы не словить в глаз стрелу. От палаточного лагеря, разбитого на расстоянии примерно в двухста-трехста васо, там, где не доставали требушеты осажденных, выдвинулся всадник на высоком белоснежном жеребце. В помпезном плаще красного цвета с изображением стоящего золотого меча, украшенного в рукояти такой же золотой короной. В руках закованный в латы мужчина держал желтый флаг, которым махал из стороны в сторону, призывая к переговорам.

– Позови Вождя, – хмуро пихнул Морра еще раз Ахлоф.

Впрочем, и другие дозорные, выглядывая из-за стен, стали отправлять посыльных в таверну. Там, в окружении помощников, сидел пожилой мужчина: широкий в плечах, с лысой головой, в зеленом платье, подпоясанном черным кушаком. Он склонился над столом и обхватил массивную голову толстенными пальцами, которыми бы деревья ворочать с корнем, а не править городом.

В просторной таверне горело несколько свечей. Сейчас был почти полдень, и солнце через распахнутые двери заливало помещение ярким светом, но Вождь

Милас слыл подслеповатостью, поэтому женщины из харчевни позаботились о сидевшем за столом Вожде.

– Господин Меовин! – в таверну с шумом и гамом вломились сразу же несколько дозорных.

– Там опять хотят поговорить…

– Флагом машут! Желтым!

Несколько торговцев рядом с Вождем, которые оказались заперты в осажденном городе, подняли головы. Они сидели за пустыми столами, с которых пообъедали даже крошки, и просто ждали, когда все разрешится. В сезон Аарда через торговую артерию, Корвунт, проходило множество караванов и одиноких путников. И все те, кто был в городе во время резкого переброса Глеофских войск через Мертвую Рулкию, оказались заложником ситуации. Некоторых с подозрением на вражеских лазутчиков посадили в таверну, и там за ними зорко поглядывали женщины да старики, не задействованные в оборонительных работах.

– Не стрелять! – приказал дозорным Вождь и грузно поднялся со скамьи.

Люди помчались на улицу и остановили заряжающих требушеты наводчиков, которые уже приготовились закидать стоявшее недалеко от переговорщика сопровождение. Камни выволакивали с берега Малой Рулкии и подкатывали по брусчатке к стоящим рядом трем метательным орудиям высотой в пять ярусов.

Вождь покинул помещение таверны и надел на сверкающую испариной лысину поданный ему подшлемник, потом кольчужный капюшон и шлем. С дозорными Милас де Меовин, Вождь Корвунта, поднялся по лестнице на фланкирующую башню у запертых ворот.

Внизу, на пританцовывающем жеребце сидел рыцарь в блестящих, как начищенный таз, доспехах. Вождь высунул голову и осмотрелся. И уже после того, как убедился, что за валунами не затаились вражеские лучники, обратился к посланцу с желтым флагом в руках. На самом деле флаг был золотым, как считали глеофяне. Золото символизировало мир и благополучие, а также служило цветом переговоров в военных условиях.

– Я – Вождь Корвунта, Милас де Меовин! – прокричал громко сверху Вождь города. – Что вы хотите?

– Я – сэр Лонос Стрикс, барон Аутерлотских земель в Глеофии, мерифий военачальника Кидота Порфилиуса! – пафосно и с напыщенностью возвестил рыцарь, наблюдая Миласа из-за поднятого забрала. – Мы предлагаем вам сдать город, и тогда мой господин, Кидот Порфилиус, пощадит ваши жизни!

– Мы уже отвечали другому мерифию раньше! Нам нужно время подумать!

– Посмотрите туда! – закричал всадник, повернулся назад и латной перчаткой указал в сторону гор, откуда тянулась вереница из воинов. – Мост укреплен, и сегодня через него наши войска пронесли тараны, лестницы и требушеты. Вы видите?

Подслеповатый Вождь приложил руку к шлему и прищурился. Все перед ним на расстоянии ста васо расплывалось. Но да, он видел движущиеся колонны воинов, которые сливались в сплошной металлический поток. Но кто конкретно там вышагивал и были ли осадные сооружения – зрения Миласа уже на это не хватало.

– Эй, Амин! – подозвал к себе дозорного Вождь. – Ты у нас самый глазастый. Там действительно несут то, о чем сказала эта тупая железяка?

Высунувшись из-за зубчатой стены фланкирующей башни, Амин, очень худой и молодой юноша, лет эдак четырнадцати, также приложил к голове, на которой болтался чересчур большой шлем, ладонь в перчатках. Там, среди гор, спускались многочисленные обозы, которые смогли пройти по мосту через Мертвую Рулкию лишь после того, как его основательно усилили.

– Лестницы вижу… Много повозок. Тащат что-то длинное! А вот что-то тянут с десяток лошадей.

– Тьфу… Чтоб их черти побрали. – сплюнул на каменный пол стены Вождь.

Затем Милас снова высунул свою массивную голову за стену и посмотрел на рыцаря. Тот ответил встречным взглядом, презрительным и высокомерным,

словно Лонос Стрикс стоял не под стеной, а над ней.

– Вы увидели?

– Да. И что? – закричал Вождь.

– Очень скоро мы начнем штурм. У нас достаточно сил, чтобы прорваться в город и стереть вас с лица Сангомара! Но мы, будучи людьми благородными, – рыцарь остановился, чтобы набрать в грудь воздуха для криков. – Мы… Будучи людьми благородными, оставим вам жизни, если вы откроете ворота и сдадите Корвунт!

– У нас есть вода и еда. Запасов хватит на год! – Вождь, конечно же, приврал. – Стены Корвунта никто и никогда не пробивал. Так что готовьтесь стареть здесь, сэр Лонос Стрикс!

Через открытое забрало опасно блеснули серые глаза, и мерифий злобно уставился на улюлюкающих горожан Корвунта, чьи головы торчали то тут, то там из-за стены.

– Это наше последнее предупреждение! Если вы не сдадите город, то завтра к закату улицы Корвунта укроют трупы ваших детей и изнасилованных жен! Будьте благоразумны! Подумайте о детях!

– Что вы сказали?! Вас не слышно из-под этой жестянки! – ответил громко Вождь. – Подъедьте ближе, ради Ямеса, и повторите!

После этих слов он обернулся к стоящим рядом жителям и тихо произнес.

– Несите горшки… И прикажите сразу же потом стрелять!

Со стен по лестницам сбежали ловкие молодые парни, ядовито ухмыляясь. А ничего не подозревающий рыцарь, облаченный в полные доспехи, что, по его мнению, надежно защищали и от стрел, и от копий, с разгневанным лицом подъехал ближе. Белоснежный жеребец, украшенный красно-золотой попоной с металлической защитой, взрыхлял копытами сырую землю. Гнев и раздражение хозяина передавались и коню.

– Я говорю, что если вы не сдадите город! – рыцарь подъехал ближе, под самые ворота, и задрал голову наверх, отдышался, чтобы снова закричать. – Тогда вы все умрете! Великая Глеофская империя беспощадна к своим врагам. Но вы можете стать нашими союзниками!

– И что нам нужно сделать, чтобы стать союзниками? – с насмешкой в голосе ответил Вождь, видя, как по лестницам с горшками в руках поднимаются несколько воинов.

– Я же сказал – отворить ворота!

– Но мы их заколотили! – с нарочито глупым выражением лица проговорил Милас, отдавая приказ рукой юношам в доспехах.

– Хватит прикидываться идиотами! Мы даем вам времени до рассвета, чтобы открыть врата, потом начнем осаду! Вы все умрете!

– У нас уже готов ответ для Вас, сэр Понос! – басовито расхохотался Вождь и махнул рукой.

Со стены швырнули порядка десятка запечатанных глиняных горшков. Несколько из них пролетело мимо рыцаря, что стал пятиться, а другие попали точно в сверкающие доспехи. Глина раскололась, разлетелась в стороны, и дерьмо, еще теплое в некоторых горшках, растеклось по сверкающим латам.

– Хер вам, собаки плюгавые, а не Корвунт! – прогромыхал Милас, пытаясь перекричать смех собравшихся на стенах жителей Корвунта.

Народ на стенах снова заулюлюкал, стал показывать пальцами, крутить дули и хохотать. Везде царило безудержное веселье – то, что бывает невероятно радостным и острым в преддверии великого горя. Освистанный и опозоренный мерифий, чувствуя, как еще теплые испражнения затекают через шею под поддоспешник, с отборной руганью пришпорил коричневого жеребца к стоящим позади воинам сопровождения.

Скрипнули три требушета, и в стремительно улепетывающего барона Аутерлотских земель полетела груда камней. Но рыцарю повезло, и он добрался до военного лагеря живым, в окружении принюхивающихся бледных воинов и оруженосца. Те переглядывались, сдерживая смех от вида некогда сверкающего рыцаря, по доспехам и коню которого сейчас стекал ответ Вождя.

С тяжелым вздохом Милас де Меовин спустился со стены. Обеспокоенным постаревшим взором он посмотрел на построенные баррикады на улицах города, чтобы враги не смогли проехать на конях, на требушеты, и, главное, на перепуганные лица людей, которым осталось времени до рассвета. Жители с тревогой разглядывали бесконечно прибывающие войска и то, как быстро строятся вражеские требушеты, готовясь к обстрелу города.

– О Ямес, сколько же их там, – к Вождю спустился казначей города, помощник Миласа, Сдорн. – Словно река из металла.

– Морр насчитал еще с пару десятков лестниц и несколько таранов.

Вождь окинул взглядом подпертые и заколоченные ворота.

– Что это такое? – закричал он недовольным голосом. – Хером припереть – и то надежнее будет. Подтащите еще бревна! Усильте баррикады перед воротами и на улицах. Это никуда не годится!

К Миласу подошел темноволосый мужчина с вьющимися волосами, подернутыми на висках сединой. Это был капитан охраны Корвунта, который взял на себя обязанности по управлению обороной. Начищенная кираса сияла в лучах полуденного солнца, а кольчужная юбка шелестела, трясь об поножи.

– Их порядка четырех тысяч пеших и двух тысяч конных. – пробормотал он озадаченно, склонившись к Вождю, чтобы их никто не услышал. – Они возьмут Корвунт и двинутся к Западному тракту.

– Там обрубили мост что ли?

– Сомневаюсь…Мне кажется, что глеофяне решили, что с нас начать сподручнее… И до нас дольше добираться из Брасо-Дэнто.

– А что с гонцами? – Вождь чувствовал себя уставшим. За последние две недели он так редко спал и ел.

– Не знаю… Вортон, если его не перехватили, должен был уже прибыть в Брасо-Дэнто, но лорд никак не поспеет к нам.

Вождь посмотрел на снующих туда-сюда людей, которые таскали камни, делая из них баррикады, чистили оружие и одежду. Милас тяжело вздохнул, сложил руки за спиной и нервно потеребил массивные пальцы. Затем вспомнил, что на его голове до сих пор по-дурацки надеты кольчужный капюшон и шлем поверх платья Вождя, снял защиту и передал одному из дозорных.

– Между нами… Насколько я знаю, Белый Ворон встал гарнизоном в Балготте, поджидая неприятельские войска. Я отправил Даута туда две недели назад. У нас есть шанс, Хильд!

– Его Сиятельство разве не в Брасо-Дэнто? – удивился Хильд, капитан охраны.

– Нет. Но никто не знает, и мне кажется, что даже эти южные свиньи не в курсе, иначе б они торопились взять нас как можно скорее.

– Но откуда ты знаешь, что Белый Ворон уже в Балготте?

– Мне сообщил об этом один купец, что возвращался с Западного тракта через Корвунт в Глеоф. Он сейчас сидит в таверне.

– Тогда об этом должны знать и глеофяне!

– Сомневаюсь. По словам торгаша, лорд прибыл туда как раз перед отъездом купца. И Его Сиятельство может успеть на помощь, если мы продержимся хотя

бы несколько дней…

– У нас нет этих дней, ворота пробьют завтра, а наши трупы к вечеру уже будут колыхаться на стенах!

– Я и так постарался потянуть время, выпросив неделю на раздумья, – с шумом выдохнул Вождь и устало посмотрел на работающую массу людей, что спешно готовились к осаде. – На все воля Ямеса, Хильд…

Милас уже собирался было пойти в таверну, чтобы поговорить с купцами, прибывшими из Глеофа и, возможно, выудить еще какую-нибудь полезную информацию, но его поймал за локоть Хильд. Его дымчатые глаза, цветом как у Вождя – признак племени аттанов, резко постарели, и капитан охраны, повертев головой по сторонам, очень тихо шепнул.

– Мы можем сдать город, Милас. Тогда нас пощадят.

– Они не пощадят нас, Хильд. Ты совсем сдурел что ли на старости лет?! – прошипел Наместник.

– Но они обещали!

– Ты слышал, что сделали с жителями Ламойтета?

– Где это? – капитан охраны помотал головой. Он не знал про такой город.

– Эка ты ничего не знающий, друг мой, – печально сказал Вождь. – Это королевский город в Великой Флоасии. Глеофские свиньи тоже обещали им сохранить жизни. Знаешь, как они поступили с жителями, когда те предали короля и открыли ворота?

– Как?

– Отымели баб, от млада до стара, и всех без исключения убили, а детям перерезали глотки. А всех выживших защитников поставили на площадь и заставили смотреть!

Хильд смертельно побледнел. Его жена была беременна пятым, а юные дочери вот-вот готовились связать себя браком с достойными мужами города.

– Это могут быть слухи! Если всех убили, то никто бы не рассказал об этом! Верить слухам, друг – это последнее дело!

– Ты хочешь проверить, Хильд? – Милас закашлялся, страдая от весенней простуды. – Готов рискнуть дочерьми и женой? Единственный, кому мы можем верить – это наш господин. Остается надеяться лишь на него… И на Ямеса…

Покрывшийся испариной Хильд сжал губы в ровную линию и пошел дальше раздавать приказы. Он ничего не ответил Вождю. Какая бы надежда не теплилась в сердцах людей, но все понимали, что Глеофу нужны не жители Корвунта, а сам город, который имел важное стратегическое значение и помог бы империи закрепиться за Мертвой Рулкией. Если будет взят Корвунт, один из самых защищенных в южных землях Солрага, то Глеоф планомерно начнет отбирать и другие территории, пока не подойдет к Брасо-Дэнто.

В таверну в сопровождении десяти человек охраны, вооруженных тесаками и мечами, вошел Милас де Меовин. Он оглядел поднявших головы путников и торговцев, которые жаждали ответов, теряя время и золото, будучи запертыми в осажденном городе. Гостей Корвунта было порядка двадцати пяти: от одетых неброско по северным меркам до пестрых купцов, прибывших откуда-то с земель подле Черной Найги.

– Завтра с рассветом Глеоф будет штурмовать город, – возвестил поставленным, но чуть хриплым от болезни и громких переговоров голосом Милас. – Я знаю, что здесь есть подданные Глеофа.

Люди молчали, лишь из-под бровей сверлили Вождя Корвунта. Сказанное Миласом ознаменовало худшую развязку событий для гостей.

– Я не буду допытываться, кто откуда. Поэтому попрошу вас всех пройти в темницы, где вы пробудете с пару дней. Либо меньше… – вздохнул Вождь.

– В тюрьмы? Мы вам что, какие-то провинившиеся? Вы знаете, с кем имеете дело? – распетушился худой мужчина с длинным носом.

– С кем же?

– Я – Кампасп, известный в Дриаде торговец, владеющий двадцатью тремя лавками в Дриаде и Летардии! Как вы смеете сначала морить нас голодом, водить за руку в отхожее место, а потом и сажать в камеры? – злобно зыркающие глазки смотрели на Вождя из-под ниши между нависшими бровями и куцей бородкой.

– В мои обязанности входит уберечь город от соглядатаев и предателей. Я не буду допрашивать каждого. Так что прошу понять и пробыть в тюрьме несколько дней. Там вас будут хорошо кормить, уважаемые господа. Лучше, чем здесь.

Купцы и путники встревоженно переглянулись. Может быть, действительно, здесь сидит лазутчик, который в нужный момент что-нибудь сотворит и облегчит проникновение в город глеофских войск?

– Неужели вы даже больных стариков посадите в мокрые и грязные тюрьмы? – из угла таверны донесся кашель.

Старик: с загорелой кожей, белоснежной бородой и рваным балахоном, – смотрел внимательным взглядом на вождя. Тот смутился, увидев перед собой почтенного старца, выглядящего явно старше даже шестидесяти лет. Но затем подозрительным взглядом скользнул по южному загару, крючковатому носу, карим глазам и пышной бороде.

– Лазутчиком может оказаться кто угодно. И даже скорее всего им будет тот, на кого не подумаешь. – Милас еще раз посмотрел на оборванного старика.

Тот закашлялся в удушающих приступах.

“Этот и пару дней не протянет в тюрьме” – подумал про себя встревоженно Вождь.

– Хорошо… Те, кто плох по здоровью, останутся здесь, под присмотром нескольких вооруженных людей. Но не ждите лучших от тюрьмы условий… Даже наоборот, любое неосторожное действие – и выпустят мечом кишки.

– Спасибо Вам за понимание, молодой человек. – прошептал старик, снова заливаясь хрипами.

– Что же ты забыл в дороге? Не с твоим здоровьем, старый, шляться по землям. – спросил, оглядывая тщедушного путника, Вождь.

– Мой сын, как только я постарел и стал немощен, выгнал меня из дому. И теперь я иду, куда глаза глядят…

Над таверной повисло гнетущее молчание. Оставление старых родителей было нарушением главного завета Ямеса, самым тяжким грехом. Поэтому все без исключения смутились, повесили головы и задумались о своих детях. Даже Кампасп, знаменитый торговец, вспомнил с горечью своего наглого сына, что лишь требовал от отца, но ничего не давал взамен.

– И еще… – добавил, задумавшись, чуть печально Вождь. – Тюрьма будет самым безопасным местом во время осады.

Кампасп и другие торговцы теперь уже взглянули на Вождя чуть иначе. Наконец, из-за стола стали подниматься люди. Деловито переглядываясь, они направились к выходу в сопровождении восьми человек охраны. Двое же стражников стали следить за тремя оставшимися: массивным торговцем, худосочным коротышкой и больным стариком.

Через пару минут таверна опустела. Лишь женщины привычно оттирали тряпками и так чистые столы да пара охранников зыркали на оставшихся иноземцев из-под добротных шлемов. По мнению охраны, никто из трех гостей не представлял опасности, поэтому эти двое принялись болтать меж собой, не обращая внимания на тихо шепчущихся в углу чужестранцев. Возможно, это был последний разговор в их жизни.

– Почему ты не пошел в тюрьмы? – спросил коротышку грузный купец.

– Камеры находятся под землей. Я слышал о требушетах. – отозвался низенький человек и снял с головы широкополую шляпу.

– И что?

– Вход в темницы могут обвалить случайным ударом. Я не хочу сгнить там заживо.

Грузный торгаш презрительно хмыкнул, оглядев совсем крохотного и крайне серьезного мужчину, одетого в длинное коричневое платье с накинутым поверх желтым табардом. Затем оценивающе посмотрел на шляпу – глеофскую шляпу.

– Отчего же вы сами не согласились пойти в тюрьмы? – спросил у торговца загорелый старик.

– На мне одежда южных купцов. Меня не тронут, – безапелляционно заявил толстяк, крутя на пальцах агатовые кольца. – В отличие от тебя, старый. Всех слабых и немощных всегда убивают первыми.

Он язвительно хохотнул, а проницательный старик заметил в уголках губ мелькнувший блеск длинных клыков.

– Как же вы это узнали, почтенный? – по лицу старика скользнула хитрая улыбка.

– Так же, как и ты перестал резко кашлять – чудом! – отозвался с жесткостью в голосе купец.

– Я не хочу провести последние дни своей жизни в мокром и сыром помещении. – с горечью сказал старик и вздохнул. – Увы, пришлось обмануть. Каюсь.

Тщедушный вид замученного старца успокоил жирного купца, и тот потерял к нему всякий интерес. Но теперь уже карие ясные глаза старика неотрывно следили за действиями то толстяка, который спокойно откинулся спиной на стену, то миниатюрного негоцианта.

– Есть ли разница, где проткнут брюхо мечом: в темнице или таверне? – хмыкнул грузный купец и обратился к низенькому торговцу. – Может под завалами лучше помереть, а? Как тебя зовут?

Худенький мужчина, отведя взор от закутанного в плащ старика с загорелой кожей, уставился на наглого купца, который накручивал густую бороду на

толстые пальцы и ласкал жирную шею.

– Баддас. А тебя?

– Фэн.

– Откуда ты, Фэн? – торговец уставился на желтые одежды толстого купца.

– Из Морайи.

– Надо же… – протянул довольно Баддас и потер деловито ладони. – Как показывает себя наследник Эадеса, юный Эадор? Они не уменьшили налоги для лавок на Белой площади, как обещали? Ты был там на рынке, его расширили же?

Фэн промолчал и нахмурился.

– Много вопросов, – наконец, буркнул купец. – Что тебе с того, снизили ли налоги? Поговорить больше не о чем?

– Ну как, как… – в смятении пробормотал Баддас. – Это же основа нашего дела, костяк. Тебе же это должно быть интересно в первую очередь.

– Мне плевать! – перебил Фэн. – А зачем тебе такое знать? Ты же с Глеофа. Вон. Шляпа глеофская.

– Нет, – помотал головой Баддас. – Желтый цвет – также символ и Летардии, я из Солнечного Афше. Считай, твой земляк. А шляпу, – он повертел в руках коричневую шляпу, помял ее поля из плотного хлопка. – Купил в Йефасе. Очень хороша от дождя.

– Так тебе не все равно ли, где дохнуть, а, Баддас? – неожиданно сменил тему Фэн.

– Я не собираюсь умирать, – пожал плечами Баддас.

– То есть здесь, в таверне, посреди ожесточенной осады, ты собираешься жить, а там, в темнице, боишься умереть от какого-то мифического обвала?

– Нас спасут… Господин Тастемара, знаменитый Белый Ворон. Оставшись здесь, я буду жив, а пройдя в темницу, могу умереть, если вход в подземную тюрьму рухнет из-за выстрела требушетом.

– Пффф… Я слышал треп воинов. Белый Ворон прибудет сюда лишь через неделю, в лучшем случае. – возвестил насмешливым тоном купец, поднимая кустистые брови. – Конечно же, он спасет твой изъеденный воронами, символами этого чертового графства, труп.

– Нет… Когда я покинул Балготт, он как раз прибыл туда со своим войском. Я рассказал об этом Вождю, и он успел до того, как город окружили, отправить гонца. Как думаете, почему весьма, как по мне, мудрый управитель Корвунта так долго тянул время, когда давал Глеофу призрачную надежду на сдачу города?

С лица купца сползла наглая ухмылка, и на его жирных оплывших щеках появился белый оттенок страха. Фэн заметался взглядом по таверне. Старик же после сказанного чуть приосанился и задумался о чем-то своем, что, вероятно, его удовлетворило.

– Так как тебя зовут, старик? – обратился к замотанному в длинный и балахонистый плащ путнику Баддас из Солнечного Афше. – Ты так и не назвался.

– Нужно ли Вам знать имя того, кто, возможно, умрет с рассветом? Или в полдень… Когда там пробьют ворота?

– Наоборот! – произнес деловито Баддас, поглаживая края желтого табарда. – Мы с тобой останемся живы. Так как твое имя?

– Зостра, – улыбнулся старик и его глаза блеснули в рассеянном свете таверны, освещенной уже лишь свечами – двери прикрыли, чтобы никто не покинул помещение.

– Откуда ты, Зостра?

– Уже ниоткуда. Я Зостра, просто Зостра. – с печальным оттенком в голосе ответил путник из Нор’Алтела.

***

На следующее утро

Всю ночь никто из жителей Корвунта не спал. Трех заключенных, отказавшихся находиться в темнице во время осады, отвели в комнату постоялого двора этажом выше харчевни. Предварительно их всех проверили на наличие оружия и, убедившись в безопасности, посадили под замок. Они сидели на трех дощатых кроватях, а в углу на табуретках расположились два нескладных паренька, вооруженных тесаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shtol-c_d-dzh/demonologiya-sangomara-yad-i-mech

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити